

HISTORIA ROSSICA

ARCHIVALIA ROSSICA

Д. А. СДВИЖКОВ
ПИСЬМА
С ПРУССКОЙ
ВОЙНЫ
ЛЮДИ
РОССИЙСКО-
ИМПЕРАТОРСКОЙ
АРМИИ В

1758
ГОДУ

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Archivalia Rossica

Денис Сдвижков

Письма с Прусской войны

«НЛО»

2019

УДК 94(47)«1758»
ББК 63.3(2)512-68-75

Сдвижков Д. А.

Письма с Прусской войны / Д. А. Сдвижков — «НЛО»,
2019 — (Archivalia Rossica)

«Вы что-нибудь поняли из этого чертова дня? – Признаюсь, Сир, я ничего не разобрал. – Не Вы один, мой друг, утешьтесь...» Так говорил своему спутнику прусский король Фридрих II после баталии с российской армией при Цорндорфе (1758). «Самое странное сражение во всей новейшей истории войн» (Клаузевиц) венчало очередную год Семилетней войны (1756–1763). И вот в берлинском архиве случайно обнаруживаются около сотни писем офицеров Российско-императорской армии, перехваченных пруссаками после Цорндорфской битвы. Прольют ли они новый свет на историю произошедшего, какие дают ответы и дают ли вообще? Или стоит задать им другие вопросы? Какими предстают люди – генералы, офицеры, канцеляристы, писавшие письма по-русски, по-немецки, по-французски, по-грузински? О чем говорит сравнение с их прусскими визави на кровопролитном «Марсовом празднике»? Книга пытается ответить на эти вопросы, приводя, помимо писем с обеих сторон, свидетельства сторонних лиц. Из комментариев складывается детальный портрет людей 1758 года, которые живут и воюют на переломе бурного XVIII века.

УДК 94(47)«1758»
ББК 63.3(2)512-68-75

© Сдвижков Д. А., 2019
© НЛО, 2019

Содержание

Благодарность	6
I. Введение[1]	7
Происхождение источника	9
Проблемы и контекст	13
Характеристика источника	19
«Безпримерное происшествие»	29
Форшпиль	32
1 акт: Prussac idiot[285] . Синие начинают и проигрывают	46
Интермеццо. Зейдлиц с трубкой, король со знаменем, и все в дыму	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Д. А. Сдвижков
Письма с Прусской
войны Люди Российско-
императорской армии в 1758 году

© Д. А. Сдвижков, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019

* * *

Благодарность

Архивные исследования в Берлине осуществлялись при организационной и финансовой поддержке фонда им. Александра фон Гумбольдта (Alexander-von-Humboldt-Stiftung), Германского исторического института в Москве (Deutsches Historisches Institut in Moskau) и фонда Прусского культурного наследия (Stiftung Preußischer Kulturbesitz).

Благодарю сотрудников архивов: Тайного государственного архива Прусского культурного наследия (Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz), Австрийского государственного архива (Österreichisches Staatsarchiv), Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль» (ГМЗРК), библиотек Германии, Австрии и России, прежде всего Германского исторического института в Москве – за квалифицированную профессиональную помощь, деятельную поддержку и доброжелательность. Особая благодарность в адрес Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) – за вычетом пункта о доброжелательности.

Тайному государственному архиву в Берлине, музею-усадьбе Кусково, музею-заповеднику в Гатчине, Донецкому республиканскому художественному музею и г-ну Валдису Мазулису из Академической библиотеки Латвийского университета в Риге я обязан любезным разрешением бескорыстно воспроизвести изображения из их коллекций в качестве иллюстраций в книге.

Неоценимую помощь в транскрипции немецких писем оказал Габриэль Майер (Gabriel Meyer) (Гейдельберг), в транскрипции и переводе грузинских писем – Йост Гипперт (Jost Gippert) и Манана Тандашвили (Manana Tandaschwili) (Франкфурт-на-Майне). За карты военных действий, помещенные в книгу, я особо благодарю Якуба Вжосека (Jakub Wrzosek) (Институт национального наследия, Варшава), а также Герберта Кнайдля (Herbert Kneidl) (Нойтраублинг).

Огромное спасибо за комментарии, советы и поддержку Ингрид Ширле (Ingrid Schierle) (Университет Тюбинген), на коллоквиуме которой найденные письма были представлены впервые, Михаэлю Кайзеру (Michael Kaiser) (Кельн, Бонн), Андрею Костину (СПб., ИРЛИ РАН), Елене Марасиновой (Москва, ИРИ РАН), Владиславу Ржеуцкому (ГИИМ), Виктории Фредемантемайор (Victoria Frede-Montemayor) (Университет Беркли), Ольге Хавановой (Москва, ИС РАН), Михаэлю Хохэдлингеру (Michael Hochedlinger) (Вена, Австрийский государственный архив), Клаусу Шарфу (Claus Scharf) (Майнц), Франциске Шедевие (Franziska Schedewie) (Университет Йены), многим другим российским и зарубежным коллегам, представляющим умную и критичную, под стать своему веку, публику «дизвительемистов» – специалистов по XVIII столетию.

На заключительном этапе работы над книгой важную роль сыграли комментарии и замечания въедливого в хорошем смысле слова рецензента Максима Юрьевича Анисимова (Москва, ИРИ РАН). Благодарю Александра Михайловича Феофанова (Москва, ПСТГУ) за комментарии и особо – за предоставленную в мое распоряжение базу архивных данных по офицерству елизаветинского периода. Олегу Геннадьевичу Леонову (Москва, фонд «Русские витязи») принадлежит часть комментариев и ремарок, касающихся униформистики и истории оружия.

За оставшиеся в книге ошибки, неточности, ляпы и погрешности стиля ответственность несет исключительно автор.

I. Введение¹

Записки, мемуары – все-таки не что иное, как обдуманное воссоздание жизни. Письма – это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ее. Как семейный и домашний быт древнего мира, внезапно остывший в лаве, отыскивается целиком под развалинами Помпеи, так и здесь жизнь нетронутая и нетленная <...> еще теплится в остывших чернилах².

История этой публикации началась, как нередко начинаются подобные истории, – со случайной архивной находки. Несколько лет назад в фондах учреждения с романтическим названием «Тайный государственный архив Прусского культурного наследия» в Берлине мне попали папки листов с конвертами, исписанных русской скорописью середины XVIII века. Жизнь с тех пор не стояла на месте. Прошел 250-летний юбилей главного события, о котором пойдет речь, – войны, называвшейся современниками Прусской, а потомками Семилетней (1756–1763), и 300-летие ее главного героя, прусского короля Фридриха II. Оба юбилея оставили после себя богатые плоды исследований. Но не у нас. В России эта война по-прежнему остается в числе «незнаменитых». Временные всплески интереса к ней в прошлом были, как правило, индикатором наших предстоящих или уже разразившихся конфликтов с потомками «Федора Федоровича» (как именовали Фридриха II участники Семилетней войны)³. Угас даже намечившийся было государственный интерес к созданию нарратива о первом включении Восточной Пруссии *alias* Калининградской области в состав остальной России в 1758–1762 годах⁴.

Лакуна закономерна, ибо затяжная война с непонятными целями не была популярной у современников и наносила, по их разумению, «великий государственный вред»⁵. В итоге, по общему мнению, выраженному в мемуарах А. Т. Болотова, «народа погублено великое множество <...> без малейшей пользы для любезного отечества нашего»⁶. Лакуна понятна, но вряд ли извинительна.

Люди Российско-императорской армии эпохи Семилетней войны остаются неразличимой массой «москвитов», о которых судят в основном по сторонним свидетельствам союзников или противников. На сцене барочного *theatrum belli* один из актеров, игравший далеко не последнюю роль, оказывается за сценой, а пушки и ружья противника палят в никуда. Втуне лежит огромный материал «культуры» войны, ибо всякий большой конфликт так или иначе задействует как непосредственных участников, так и наблюдателей, заставляя реагировать, высказываться и фиксировать свою реакцию на разных уровнях, будь то официальные документы, проповеди, оды, личные свидетельства разного рода, солдатские песни и т. п.

¹ Выдержки из архивных материалов и часть комментариев публиковались ранее онлайн (Сдвижков 2010, последнее обращение 31.05.2015) и в журнальной статье (Sdvizkov 2012).

² Вяземский П. А. Полн. собр. соч. Т. VII. СПб. 1882, 135.

³ Коробков 1940, Коробков 1948, Семека 1951, Румянцев 1953.

⁴ Кретишин 1996.

⁵ Андреев 1870, 78. Ср. свидетельство иного круга десятилетие спустя: «Прусская война сколько тысячей братьев наших пожелла! Сколько вдов и сирот плачущих оставила, общую казну истощила!» (Тихон (Задонский) – Т. В. Кишкину, 20.06./01.07.1769 // *Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского*. Т. I, кн. 3. СПб. б. г., 306). Здесь и далее даты по новому и старому стилю, в неоговоренных случаях датировка по новому стилю. Внутри текста в русских письмах и других источниках оставлена оригинальная датировка. Разница в XVIII веке составляла 11 дней.

⁶ Болотов II, 95. Потери всех воюющих сторон по самым приблизительным подсчетам составили 500–550 тысяч (Kunisch J. Friedrich der Große. Der König und seine Zeit. München 2004, 155, 465; Урланис Б. Ц. История военных потерь. СПб. 1994, 337 – из них Россия 120 000).

С другой стороны, есть и преимущества. Провисшая в коллективной памяти и погребенная в остывшей лаве архивных актов война не разошлась на строительный материал для позднейшего национализма. Не задействованная в государственном заказе, эта материя составляет предмет увлечений редких бескорыстных энтузиастов профессионального цеха и «сетевой общественности»⁷. С большими войнами такое случается совсем не часто. По контрасту это иллюстрирует для Семилетней войны пример Германии, когда при жизни Фридриха II право на существование имела лишь одна – его собственная – трактовка событий⁸. Или наш отечественный отполированный до бронзового блеска 1812 год. Тем более можно надеяться, что письма с Прусской войны смогут, как сулит приведенный в начале эпиграф Петра Андреевича Вяземского, послужить к раскрытию *застывшего быта и теплящейся жизни*.

⁷ Аписимов 2014, Доля; Оточкин 2016 и др.

⁸ Heuser 2011; Raschke 1993. О Семилетней войне как отправной точке «классического» немецкого национализма см.: Blütz 2000, Burgdorf 2001.

Происхождение источника

Для русского Семилетняя война по многому особенно любопытна⁹.

Почему именно 1758-й? В сентябре этого года спустя месяц после баталии при Цорндорфе¹⁰ между Российско-императорской армией (РИА) и войсками Фридриха II пруссакам удалось перехватить в польском приграничном местечке Ландек лейб-гвардии Преображенского полка сержанта (фурьера) Людвига Фридрихса – одного из курьеров, курсировавших между Петербургом и действующей Заграничной армией. Корреспонденция из Заграничной армии пересылалась тремя путями – ординарной почтой, эстафетой («на штафете») и курьерами. Важнейшую информацию доверяли именно последним. Поэтому диверсии практиковались всеми сторонами и на фельдъегерей устраивали настоящую охоту¹¹. В следующем 1759 году прусские партии перехватили русского курьера, который возвращался к армии из Вены, аж в Ченстохове¹². В нашем случае, судя по обстоятельствам дела¹³, за захват курьера с двумя казаками свою лепту должен был получить какой-нибудь прусский «конфидент» в польском местечке, где с сопровождавшими его казаками заночевал неудачливый гонец.

Поскольку курьер из Петербурга проделал вместе с армией три марша, в его кожаной суме наряду с официальной корреспонденцией накопилось за это время около ста частных писем разного объема (№ 1)¹⁴. Перехваченные письма были направлены местным амтманом (главой администрации) срочной эстафетой (№ 2) в Kabinettsministerium, выполнявший в тогдашней Пруссии функции министерства иностранных дел. Здесь по поручению министра Эвальда Фридриха фон Херцберга их выборочно переводили три переводчика. Первые два справились с заданием посредственно, и за дело в конце концов взялся Леонард Эйлер¹⁵. Знаменитый швейцарский математик, член Петербургской и Берлинской академий наук, знаток русского языка, Эйлер после долгого (с 1727 г.) пребывания в Санкт-Петербурге и перед новым возвращением в Россию перебрался в 1741 г. в Берлин. Благодаря великолепно усвоенному русскому языку услуги Эйлера оченьгодились во время войны в королевском кабинете. Судя по неполным и часто неправильным переводам первых двух переводчиков (с язвительными комментариями Эйлера к ним), только он один и смог разобрать каракули партикулярных русских писем.

О нравах тогдашней войны много говорит то, что Эйлер сохранял связи в Петербурге и ничтоже сумняшеся посылал в Академию неприятельской страны свои научные работы. О «коллораборационизме» Эйлера в России так и не узнали. Однако возмездие волею судеб последовало, когда его поместье в Шарлоттенбурге под Берлином было разграблено во время

⁹ Казадаев А. В. Предисловие // *Рецю* 1818, XVIII.

¹⁰ Соответствие исторических топонимов современным названиям здесь и далее см. в приложенном указателе.

¹¹ Юсов 1999, 21; *Доля* I, 204–209. Подорожный лист курьера: Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz, Berlin (далее: GStA PK), I. NA Geheimer Rat, Rep. 63 Neuere Kriegssachen, N 1451, Bl. 12–13). GStA PK: Тайный государственный архив Прусского культурного наследия (Берлин), раздел фондов Тайного совета, фонд (*Rep. – Repositur*), номер дела и лист (*Bl. = Л.; RS = об.*). Поскольку почти все цитируемое из этого архива происходит из фонда «Новые военные дела», далее в сносках оставлены только номер дела и листы. В деле 1452, где листы не пронумерованы, используется порядковый номер письма в папке.

¹² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Ч. 4 (5). Л. 274–274 об.; *Messelière* 1803, 258–259.

¹³ Об обстоятельствах перехвата см. также: РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Ч. 3 (5). Л. 291–291 об.; В. В. Фермор – М. И. Воронцову, Транбург 22.10./02.11.1758 (*АКВ*, VI, 347).

¹⁴ Здесь и далее номерные ссылки в круглых скобках внутри текста обозначают порядковый номер документа, публикуемого в основной части («Свидетельства»).

¹⁵ N 1451. Bl. 9. Единственная известная мне онлайн-публикация перехваченной русской корреспонденции – в составе информации к юбилею Л. Эйлера на сайте Берлинско-Бранденбургской академии наук, которая включает два перевода Эйлера русских писем (<http://euler.bbaw.de/euleriana/ansicht.php?dokument=136>, последнее обращение 24.05.2015).

русско-австрийского рейда в 1760 г. («г-н профессор Эйлер» лишился ржи, ячменя, овса, сена, двух лошадей, тринадцати голов скота, семи свиной и двенадцати овец)¹⁶.

Переведенные материалы использовались первым делом для тактических целей: осенью 1758 г. пруссакам важно было понять, намерена ли русская армия еще в том же году перейти за Одер, двигаться на запад или север на соединение с австрийцами или шведами, либо – как это в действительности и произошло – активная фаза кампании закончена, и «москвиты» уйдут на винтер-квартиры за Вислу¹⁷. Самого Фридриха II, которого известили о письмах, интересовали именно эти военные перспективы¹⁸.

Но едва ли не более важным стало использование материалов перехвата в последовавшей за военной столь же ожесточенной информационной битве между Петербургом и Берлином. С началом активного участия России в Семилетней войне пропагандистская полемика касалась в основном «эксцессов», чинимых армиями над мирными жителями¹⁹. Осенью же 1758 г. обеим сторонам важно было убедить европейскую общественность в своей победе при Цорндорфе²⁰. Обнародование перехваченных писем или экстрактов из них в подобных целях было общераспространенной практикой²¹. В России, к примеру, обнародовали в последнюю русско-шведскую войну 1741–1743 гг. захваченные неотправленные письма шведских солдат²². И в этот раз пруссаков решили бить их же оружием: для подтверждения своих позиций после Цорндорфа использовали письма свидетелей баталии из Восточной Пруссии, перехваченные и направленные в Придворную Конференцию российским губернатором Кенигсберга Николаем Корфом (№ 113, 114)²³.

Пруссаки обнародовали переводы нескольких бумаг из перехваченной почты: реляцию генерала П. И. Панина И. И. Шувалову со сведениями о потерях четырех полков приданной ему бригады (№ 4) и депешу шведского волонтера при русской армии Фромхольта Армфельта командующему шведскими войсками в Померании генералу Густаву Давиду Гамилтону (№ 112). Армфельт, сражавшийся в недавней русско-шведской войне 1741–1743 гг. против этой самой армии, был в своих оценках довольно критичен. Еще более критичной оказалась реляция о состоянии русской армии в целом и о Цорндорфской баталии принца Карла Саксонского, также перехваченная с курьером²⁴. Взбешенный главнокомандующий Фермор

¹⁶ Brandenburgisches Landeshauptarchiv. Rep. 2 Kurmärkische Kriegs- und Domänenkammer. Nr. S 3498. Нравы этой войны живописует и дальнейшее: спустя неделю Эйлер уже писал о своих потерях в Петербург историку Г.-Ф. Миллеру, предлагая между прочим подключить к делу М. В. Ломоносова – заодно преувеличив число потерянных лошадей вдвое. И действительно получил требуемую компенсацию (1200 рублей), правда, уже при Екатерине II (*Пекарский П. П.* История Императорской академии наук в Петербурге. СПб. 1870. I, 278–280; *Knobloch E.* Leonhard Euler 1707–1783, Zum 300. Geburtstag eines langjährigen Wahlberliners // *Mitteilungen der Deutschen Mathematikervereinigung* 15 (2007), 276–288).

¹⁷ См. депешу из Штеттина от президента Померанской камер- и коммерц-коллегии Георга Вильгельма фон Ашерслебена (Georg Wilhelm von Aschersleben) (N 1451. Bl. 10), задержавшего королевскую эстафету с известием о находящихся среди захваченных писем депешу от австрийского военного представителя генерала Сент-Андре к посланнику Австрии при русском дворе Николаусу (Миклошу) Эстерхази. Сент-Андре сообщал, что русские не будут форсировать Одер, как и предполагали пруссаки.

¹⁸ *РС XVII*, № 10396, 10417.

¹⁹ Фридрих II – министру кабинета гр. фон Финкенштейну, Доберло 07.09.1758 (эксцессы русской армии в Новой марке, N 1291); Лорд-маршал Шотландии [Джордж Кейт] – гр. Подевильсу, Невшател 13.09.1758 (об организации антирусской кампании в Европе, N 1290). Русский ответ: *Schreiben eines Russischen Reisenden*.

²⁰ *Anklam* 2007; *Основам* 2010, 9–12.

²¹ После разгрома в следующем, 1759 г., франко-саксонской армии при Миндене была захвачена корреспонденция главнокомандующего маркиза де Контада, немедленно опубликованная в выгодном для англо-прусской коалиции свете. В одном из захваченных писем, в частности, сообщалось, что после баталии при Цорндорфе «г-н генерал Формер [Фермор] написал всем посланникам Императрицы Российской при европейских дворах письма» с изображением в выгодном для России свете произошедшего 14/25 августа (*Lettres* 1759, 38).

²² *Егорев* 2015, 7.

²³ *ЖВД*, 238–246. Спустя полвека катастрофа Великой армии в России 1812 г. точно так же подтверждалась публикацией перехваченных французских писем.

²⁴ Оригинал в берлинском фонде отсутствует, но текст известен по русскому переводу из бумаг М. И. Воронцова (*Прици*

был на той же русско-шведской войне с противоположной стороны и своим новым союзникам не доверял. По поводу реляции Армфельта он писал, «что бы и неприятель наш злее выдумать не мог», и просил «от всех господ волонтеров» «армию избавить»²⁵.

Обе стороны направили в важнейшие центры, формировавшие общественное мнение тогдашней Европы свои, равно далекие от реалий, циркуляры о Цорндорфской баталии. Акцент в обоих делался на обстоятельствах, наиболее дискредитировавших каждую из сторон. Фермор, как мы увидим, прямо искажил действительность, утверждая, что «l'Ennemi a abandonné le Champ de Bataille, en se retirant... Le lendemain nous avons enterré les morts»²⁶. Однако, в свою очередь, и Фридрих, мягко говоря, покривил душой, уверяя, что «mes troupes ont combattu avec une valeur singulière & en gens qui défendroient la patrie»²⁷.

Для нас важно, что благодаря всем этим обстоятельствам материалы, о которых идет речь, отложились в фонде прусской королевской администрации, *Тайного совета (Geheimer Rat)*, благодаря чему и уцелели. Поскольку Военный архив в Потсдаме, куда они должны были бы попасть по логике вещей, практически полностью погиб после бомбардировки англичан в 1945 г.

Русские письма, несмотря на все перипетии истории, остались практически в том же виде, в котором их вынули из сумы курьера, включая конверты и хорошо сохранившиеся красные сургучные печати: хороший материал сфрагистики для изучения еще не кодифицированных к тому времени дворянских гербов. Негативным фактором, повлиявшим на сохранность и читаемость писем, стало лишь то, что они писались в походных условиях, нередко на марше. Многие письма написаны разведенными, частично выцветшими за 250 лет, чернилами, иногда в буквальном смысле на клочках бумаги.

Уникальность материала в том, что особенности отложения архивных документов делают подобные находки нечастыми. Мало того что в архиве оказалось все без разбора разнородное содержимое из сумы курьера – от записочек до чертежей укреплений, – но к тому же пруссаки оставляли все нетронутым, не понимая содержания русских каракулей и опасаясь выбросить нечто важное. В государственные архивы личная корреспонденция в эти времена попадала только в экстраординарных случаях, обычно в качестве конфиската или приобщения к делу. В Пруссии перлюстрация и контроль за настроениями армии и подданных были поставлены на поток, и мы имеем регулярные экстракты из писем массы поданных короля в Семилетнюю войну как барометр общественного мнения²⁸. В России середины XVIII в. обычной почте тоже не доверяли. Канцлер М. И. Воронцов писал, к примеру, своему племяннику в Европу: «Ne m'écrivez dans vos lettres que des choses générales et réservez pour votre retour ici tous ce que vous trouverez digne de remarque»²⁹. Перлюстрация заграничной переписки наряду с другими мерами предусматривалась как системная мера уже с начала елизаветинского царствования³⁰.

Карл 1872).

²⁵ В. В. Фермор – М. И. Воронцову, Мариенвердер 18/29.11.1758 // АКВ VI, 349.

²⁶ «Неприятель, отступя, оставил поле битвы. На следующий день мы похоронили погибших» (В. В. Фермор – кн. А. М. Голицыну [русскому посланнику в Лондоне], копия. Гросс-Каммин, 31.08/11.09.1758 (N 1287. Bl. 150). Ср.: А. Головкин – В. В. Фермору, Гаага, 13/24.09.1758, копия (N 1449).

²⁷ «Мои войска дрались необыкновенно хорошо, защищая [свое] отечество» (черновик циркуляра Э. Ф. фон Херцберга от 26.08.1758, отправленный в Лондон, Гаагу, Регенсбург, Варшаву, Гамбург, Данциг, Копенгаген, Невшатель, Венецию, Рим и Кельн (N 1287. Bl. 30). Ср. копию переписки А. М. Голицына и лорда Холдернесса (Лондон 25.09 и 26.09.1758, N 1287. Bl. 149–151) и комментарий к ней: *Schaefer* 1870, 102–103.

²⁸ Например, N 1466 и 1469 в том же фонде («Выписки из вскрытых на прусских почтамтах и содержащих сведения о военных действиях писем»).

²⁹ «Пишите мне в Ваших письмах лишь про обстоятельства общие, а все, что найдете достойным особого внимания, приберегите до Вашего возвращения сюда» (в Санкт-Петербург. – Д. С.) (М. И. Воронцов – А. Р. Воронцову, СПб. 10.10.1759 // АКВ XXXI, 97).

³⁰ См.: *Филошкин* 2002, 72 об указе 1742 г., введившем механизмы и штаты контрразведывательной деятельности в России.

Во время Семилетней войны она практиковалась на наиболее важном стратегически почтовом тракте из Пруссии через остзейские губернии в Петербург – на Нарвском, Рижском почтовых дворах и в завоеванной с 1758 г. Восточной Пруссии. Однако системы, подобной прусской, по всей стране не существовало; не было и четко определено, кто имеет право перлюстрации³¹.

В частных фондах в России личной корреспонденции на этот период также сохранилось немного, как правило лишь у знатных родов вроде Воронцовых или Паниных. Однако и сохранившиеся семейные эпистолярии зачастую отличает сознательная выборочность в хранении и публикации материалов³². Особенно редка «лейтенантская» или, точнее, «поручицкая» проза – свидетельства нижнего офицерского звена, которые присутствуют в нашем корпусе. Вообще же эпоха 1730–1750-х гг. даже на общем небогатом фоне русского XVIII в. выделялась А. Г. Тартаковским как «едва ли не самая глухая, неплодотворная пора» для мемуарного жанра и автобиографики в целом³³.

В настоящем издании публикуются все входящие в найденный корпус частные письма, без изъятий и в аутентичном виде (см. правила публикации в начале основной части). Вне его остался лишь фонд, содержащий совершенно разрозненные письма и документы, найденные пруссаками в брошенном лагере дивизии Румянцева (N 1446). Особняком стоит также частная корреспонденция польского волонтера кн. Антония Сулковского, попавшего в плен при Цорндорфе (N 1444). Она публикуется здесь только в той части, которая освещает реалии походной жизни российской армии и кампании 1758 г.

Последняя часть публикуемых текстов подобрана с расчетом дать максимально аутентичный контекст обстоятельств создания писем. Это взгляд с разных перспектив, сконцентрированный на одном и том же пространстве и времени кампании 1758 г. К свидетельствам «актеров» Цорндорфского «марсова праздника» с обеих сторон добавлены зрители. Большая плотность свидетельств, сосредоточенных на небольшом отрезке времени в отношении ограниченного пространства, делает сходство с классицистическим театром единства действия, времени и места еще более полным. Приводятся свидетельства волонтеров при Российско-императорской армии, а также гражданских лиц из окрестностей Цорндорфа.

³¹ Ср.: *Измозик В. С.* «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. М. 2015, 75–84. Еще до выступления армии в поход в 1757 г. С. Ф. Апраксин по своей инициативе велел вскрыть отправлявшуюся в Пруссию почту, обнаружив таким образом измену лифляндца подполковника Блома (см. ниже). После этого Апраксину по личному разрешению императрицы дозволили вскрывать письма – но только «подозрительные» и только до выступления в поход. Просьба секретаря походной Секретной канцелярии Веселицкого продолжать перлюстрацию самостоятельно после отзыва Апраксина не была удовлетворена (П. П. Веселицкий – М. И. Воронцову, Ливава 14/25.11.1757 // *АКВ* VII, 500–501). О конфликте зимой 1758 г. касательно перлюстрации между почтмейстером Шмидтом и генерал-аудитором-лейтенантом Исаковым в Нарве см.: *АКВ* IV, 100–103.

³² *Бекасова* 2006, 26.

³³ *Тартаковский* 1991, 49–50.

Проблемы и контекст

*Войной ты началось, закончишься войною, –
Войною сабель и войною перьев,
Столетье!*³⁴

Одна из ключевых проблем истории как науки – в соотношении уникального и общего, единичного и обобщения. В нашем случае присутствует случайность в квадрате: отдельные письма представляют собой не только индивидуальные казусы/кейсы; произвольно, на полуслове вырванное из темноты прошедшего на полуслове и обрывается. Случай стоит в начале замысла, случай определяет правила игры и заявляет о себе как о полноправном, а то и главном участнике на празднике исторического познания.

«Однажды в архиве мне случайно попало...»: немало исторических исследований начинается так или похожим образом. Характер подобных находок, демонстрирующий и магию, и неопределенный статус исторического ремесла, равно как и неизбежная фрагментарность найденного, ставит историка перед вопросом: что с этим, собственно, делать? Публиковать в жанре археографов позапрошлого столетия «новыя материалы к...» порочно по отношению к читателю, который остается один на один с сырым материалом. Но и для монографии корпус источников все же ограничен. Здесь выбран компромиссный путь: тексты публикуются *in extenso*, в сопровождении других материалов и с развернутым комментарием, предлагающим, но не навязывающим интерпретацию. В таком случае сам материал в большой степени диктует вопросы и рамки, а не наоборот, когда выжимки из него служат иллюстрацией к более или менее априорным тезисам³⁵.

В нашем случае личный характер документов сразу поворачивает указатель на историческую антропологию – историю людей. Круг авторов писем подразумевает исследование определенной социально-профессиональной группы. Историю скорее микроуровня. И историю локальную, ибо центральный содержательный стержень этих писем, баталия и следующий за ней период, привязан к определенным пространственным и временным координатам³⁶.

Скелет первоначальных справочных комментариев понемногу обрастал плотью деталей; обнаружившиеся ниточки заставляли, как котенка с клубком, не выпускать их, прослеживая дальше. Среди этих своеобразных гиперссылок были и синхронные, отсылавшие к персоналиям и реалиям той же эпохи, и асинхронные, которые вели в последующие времена вплоть до современности. Комментируя, к примеру, письмо И. П. Леонтьева (№ 73), я обнаружил, что выстроенную им и разрушенную во времена оны усадьбу выкупил и восстановил современный потомок. Отослав в усадебный музей копию письма прапрапрабабке, которую та 260 лет назад так и не получила, можно было почувствовать хоть отчасти, что такое власть над временем. Обнаружилась между тем и масса перекрестных ссылок между письмами и их авторами. Естественным путем вводные комментарии переросли в своего рода *histoire totale* или пусть ограниченную, но энциклопедию военно-офицерской русской жизни на данную эпоху. В этом контексте найденные тексты звучат по-иному и по-иному позволяют выстроить обобщения.

Вырисовывавшийся сценарий с крупными планами диктовал, в свою очередь, необходимость максимально сузить временные рамки. Взять в этом качестве год – прием вполне

³⁴ Иоганн Вильгельм Людвиг Глейм, «Восемнадцатому веку» (1797). – *Пер. автора.*

³⁵ *Каменский* 2007, 20.

³⁶ *Füssel, Sikora* 2014, 21.

проверенный и популярный, будь то годы судьбоносные, вроде 1812, 1913, 1917, 1937, или, наоборот, заурядные, позволяющие лучше ощутить вкус повседневности, как, скажем, 1718³⁷.

Письма, как сообщает и заголовок, с *войны*. Война и баталия предстает на разных уровнях от высшего командования до подпоручиков и штабных канцеляристов. Ощутимо меняется оптика видения событий, становится хотя бы отчасти доступен опыт переживания «простого» (условно – насколько «прост» может быть имеющий офицерское достоинство) человека³⁸. Второе столь же очевидное: в антропологическом ракурсе, к которому располагают письма, война предстает повседневностью особого рода, сопровождаемой экстремальными переживаниями³⁹. Это придает письмам особый оттенок живости в жанре «пишу тебе на сапоге убитого товарища»⁴⁰.

Его видно в самом буквальном смысле: вот черкает несколько строк через силу насквозь промокший Яков Брюс, прежде чем завалиться на тюфяк (№ 26); вот расплываются буквы и валятся строчки у Федора Мухортова, который пьет с однополчанином чарку водки за здоровье тещи (№ 17); вот разводы от какой-то «птички», отправленной вместе с письмом своей любезной Алексеем Ильиным (№ 50); вот жуткий скачущий почерк раненого Василия Долгурова, к тому же в юности учившегося письму тайком в походных условиях (№ 77): та самая жизнь, «теплящаяся в остывших чернилах» из эпитафии Вяземского.

Баталия – кульминация, требующая эмоционального переживания и интеллектуального осмысления, заставляющая привязать эту повседневность к «большим нарративам». С личным происхождением источника и привязкой к «большим нарративам» связан третий ключевой элемент, вопрос о самосознании авторов писем.

В историографическом смысле исследование вписывается в обширное поле так называемой «новой военной истории»⁴¹. Ее новизна заключается в применении к реалиям войны культурно-антропологического подхода и проблематики «человека на войне» в противовес «старой» событийной и «идейной» истории войн. Полемическое противопоставление, впрочем, может быть снято: «большие нарративы» вовсе не противоречат включению антропологического фокуса⁴². В европейской историографии ключевое значение для этого направления приобрели публикации в рамках нескольких научных и издательских проектов. «Война в истории» (KRiG, Krieg in der Geschichte) в Германии связана с результатами работы Особой исследовательской группы в Университете Тюбингена «Военный опыт. Война и общество в Новое время»⁴³. Два других проекта – английская серия «Война, культура и общество, 1750–1850» (War, Culture and Society)⁴⁴, и немецкая «Война и общество раннего Нового времени», которую выпускает одноименный центр (Arbeitskreis Militär und Gesellschaft in der Frühen Neuzeit) в Потсдаме⁴⁵ – особое внимание обращают на войны раннего Нового времени, в том числе, и особенно, на Семилетнюю.

Фундаментальная перемена взгляда на эту войну происходит с изъятием ее из национально-исторического контекста, характерного для континентальной, особенно немецкой, тра-

³⁷ Кошелева 2004, 15–16.

³⁸ Бильбасов 1887, 31.

³⁹ Ближе к этому подходят реалии плена, см.: Козлов 2011; Лавров 2010.

⁴⁰ Между прочим, и буквально: «Пишу сие между убитыми, на обгаженном кровью поле баталии», – сообщает своей матери (!) офицер из франко-саксонской армии после битвы при Луттерберге в 1758 г. (Ганс Карл Генрих фон Траутцшен – матери, Луттерберг 11.10.1758 // Trautzschen 1769, 93).

⁴¹ Pröve 2010, 105–124.

⁴² Как показывает, например, исследование Доминика Ливена о войне 1812–1814 гг. (Ливен 2012).

⁴³ <http://www.uni-tuebingen.de/SFB437>; https://www.schoeningh.de/katalog/reihe/krieg_in_der_geschichte.html, посл. обращение 20.07.2015.

⁴⁴ <http://www.palgrave.com/series/war,-culture-and-society,-1750-1850/WCS>, посл. обращение 20.07.2015.

⁴⁵ <http://lit-verlag.de/reihe/huss>, посл. обращение 01.09.2017.

диции, и перевода фокуса на региональный или глобальный. Семилетняя война оказывается этапом развития «атлантического мира»⁴⁶, но одновременно и важным моментом «подъема восточных держав» Европы, начинающегося с Великой Северной войны и заканчивающегося раздвиганием Польши и триумфом над Наполеоном⁴⁷.

Для империи Габсбургов Семилетняя война, казалось бы, была не более успешной, чем для России. Тем не менее *wag effort* австрийцев в противостоянии с Пруссией справедливо рассматривается как важная часть в общем удачной модернизации империи, обеспечившей ее существование в последующие полтора столетия. Австрийский материал представляется едва ли не наиболее близким к нам структурно случаем для сравнения с Россией⁴⁸.

В британской традиции Семилетняя война всегда рассматривалась как ключевой момент в борьбе за мировую империю. Неудивительно, что именно здесь стали говорить и о глобальном характере «первой мировой войны» с строчной буквы, – как понимал ее уже Уинстон Черчилль⁴⁹. В этом качестве Семилетняя война может оспорить у Первой мировой со прописной и статус «родоначальницы эпохи модерна»⁵⁰.

Война как экспонента эмоций и пограничных психологических состояний привлекала и привлекает внимание историков соответствующего профиля⁵¹. В России «военно-историческая антропология» развивается в основном с акцентом на мировых войнах XX в.⁵², но многое в этом отношении сделано и для эпохи Наполеоновских войн. Скромный интерес, который проявлялся к участию России в войне Семилетней, преимущественно связан со «старой» военной⁵³ и внешнеполитической историей⁵⁴.

Особый оттенок публикующемуся материалу придает обстоятельство, что письма писались по свежим следам генеральной баталии. Для раннего Нового времени подобные свидетельства в таком количестве даже в европейском сравнении редки⁵⁵. Схожие по типу «Письма Ватерлоо», к примеру, все же представляют собой воспоминания о баталии, написанные четверть века спустя⁵⁶.

Баталия – а тем более баталия генеральная – представляет событие, которого могут, как в кампанию 1758 г., ожидать среди бесконечных маршей и контрмаршей месяцами. В нем сходятся не только страхи, но ожидания и надежды; оно делит жизнь на *до* и *после*. Баталия представляет собой кульминацию столкновения человека, уже вовлеченного в войну, с «большой» историей. Она требует осмысления в духовном и рациональном смысле, остается в памяти и автобиографике. Памятные даты баталий встают в новых календарях вровень с религиозными праздниками, обозначая новое линейное время наравне с циклическим церковного года.

⁴⁶ *De Bruyn, Regan*, 2014.

⁴⁷ *Scott* 2001.

⁴⁸ См.: *Hochedlinger* 2003; *Duffy* 2000 и 2008; *Stollberg-Rilinger* 2017.

⁴⁹ *Füssel* 2010; *Danley, Speelman* 2012; *Externbrink* 2011; *Baugh* 2011; *Black* 2013, 94–96; *Churchill Winston S.* *A History of the English-Speaking Peoples*. Vol. 3. New York – London 1957 (название главы о Семилетней войне).

⁵⁰ *Patrick J. Speelman*. Conclusion: Father of the modern age // *Danley, Speelman* 2012, 519–536.

⁵¹ *Geyer* 1995.

⁵² *Сиявская Е. С.* (ред.). Военно-историческая антропология. Ежегодник. М. 2002, 2003/2004, 2005/2006; *Маленький человек и большая война в истории России. Середина XIX – середина XX вв.* СПб. 2014.

⁵³ *Масловский* 1886–1891; *Масловский* 1883; *Коробков* 1940; *Кеер* 1989.

⁵⁴ *Щепкин* 1902; *Анисимов* 1986; *Яковлев* 1997; *Нелипович* 2010; *Лиштенан* 2012; *Черкасов* 2010; *Анисимов* 2014. Из немногих исключений – отдельные статьи ежегодника «Война и оружие», издающегося Военно-историческим музеем артиллерии в СПб.

⁵⁵ Единственный известный мне пример – сборник писем прусских солдат после баталий при Лобозице (1756) и Праге (1757) (*Briefe preußischer Soldaten*, 1901). Здесь мы, правда, имеем дело с копиями и выписками. Зато в большинстве своем это – пространные! – письма именно солдат и унтер-офицеров, что для России за редкими исключениями (*Козлов* 2008) в наш период малопредставимо.

⁵⁶ *Siborne H. T.* (ed.). *Waterloo Letters: a selection from original and hitherto unpublished letters bearing on the operations of the 16th, 17th, and 18 June 1815, by officers who served in the campaign.* London 1891.

Даже в примитивных дневниковых погодных записях, которые часто встречаются на таких календарях, наряду с личными событиями – рожденьями, смертями, браками – прежде всего фигурируют случившиеся сражения. Наряду с текстами баталия производит целый фонтан артефактов – гравюры, табакерки, платки, лубки, медали. Наш корпус текстов представляет первый этап фиксации переживания баталии, прежде чем этот опыт попадет в мемуары, а далее в трактаты об исторических событиях, написанные их участниками⁵⁷.

Феномену баталии посвящена полноценная отдельная отрасль внутри новой военной истории⁵⁸. Культурная история баталии⁵⁹ понимает ее как «кульминацию наличных в данную эпоху способностей и энергий»⁶⁰, в которой находят выражение скрытые, латентные смыслы. С точки зрения функции баталий в регулировании международной и внутренней политики⁶¹ адепты «баталистики» смело возвращаются на новом этапе к тезису о том, что «поля сражений – это место политического рождения»⁶². Для России «баталистика» такого рода представлена для Полтавы⁶³, но прежде всего, конечно, Бородино⁶⁴. Цорндорф как отдельный объект исследования также привлекал особый интерес: ему посвящена обстоятельная немецкая диссертация XIX в.⁶⁵ И, снова по странности случая, параллельно с настоящей работой и независимо от нее отдельная монография, целиком посвященная Цорндорфу, но в перспективе прусской армии, готовится к публикации в Кембридже⁶⁶.

Найденные письма представляют собой массив источников личного происхождения. В случае других воюющих сторон – прежде всего прусской – публикация современных эпохе эго-документов началась еще в XVIII в. и продолжается до сих пор. Причем эти источники включают в себя не только офицерские эго-документы, но и свидетельства нижних чинов⁶⁷. Современные исследования рассматривают их в контексте автобиографических практик раннего Нового времени, влияния на формирование культуры и способов выражения личности крупных войн эпохи – Тридцатилетней и Семилетней, в которых человек учился осознавать себя как исторический субъект⁶⁸.

Для России на середину XVIII в. объем известных источников подобного рода невелик в целом, и тем более это касалось истории Семилетней войны. В то же время очевидно, что проблема не только в состоянии архивов, но и в фокусе исследований. Так, в последние десяти-

⁵⁷ Как Тильке (*Tielke* 1776) с российской стороны или Архенгольц (*Archenholz* 1788) с прусской.

⁵⁸ См. об этом: *Martus, Münkle, Röcke* 2003; *Gumb, Hedinger* 2008; *Groß; Förster* 2008; *Weigley* 1993.

⁵⁹ *Füssel, Sikora* 2014.

⁶⁰ *Siemann W.* Das „lange“ 19. Jahrhundert. Alte Fragen und neue Perspektiven // *Nils Freytag, Dominik Petzold* (Hg.). Das „lange“ 19. Jahrhundert. Alte Fragen und neue Perspektiven. München 2007, 12.

⁶¹ Ср. дискуссию о принципиальной способности баталий служить таким регулятором: *Russel F. Weigley*, *The Age of Battles. The Quest for Decisive Warfare from Breitenfeld to Waterloo*. L. 1993. Обоснование «права победителей» как элемента рождения модерна: *James Whitman*. *Verdict of Battle: the Law of Victory and the Making of Modern World*. Harvard, Mass. 2012.

⁶² *Savoy B.* Einleitung // *Kunst- und Ausstellungshalle der Bundesrepublik Deutschland* (Hg.). *Napoleon und Europa: Traum und Trauma*. München 2010, 16.

⁶³ *Энгелунд П.* Полтава: Рассказ о гибели одной армии. М. 1995; *Кротов П.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М. 2018.

⁶⁴ *Ивченко Л. Л.* Бородинское сражение: История русской версии событий. М. 2015; *Земцов В. Н., Попов А. И.* Бородино. Северный фланг (М. 2008); Бородино. Южный фланг (М. 2009); Бородино. Центр (М. 2010) и др.

⁶⁵ *Immich* 1893.

⁶⁶ *Adam Storring*, *Zorndorf, 1758* (Birmingham, forthcoming).

⁶⁷ Начиная с *Naumann*, 1783, на протяжении XIX–XX вв. появились десятки изданий, в том числе упомянутые работы военно-исторического отделения Большого Генерального штаба Германии (*Briefe preußischer Soldaten*, 1901). Ср. также *Dominicus* 1891, *Pritwitz* 1989, *Grotehenn* 2012.

⁶⁸ См., например: *Roeck, Bernd*. Diskurse über den Dreißigjährigen Krieg. Zum Stand der Forschung und einigen offenen Problemen // *Duchhardt, Veit* 2000, 184 et passim.

тилетия, наряду с известными с позапрошлого века публикациями⁶⁹, в этом ряду появился ряд новых и очень ценных источников⁷⁰.

Для социально-культурной истории России XVIII в. документы личного происхождения важны как основной источник, раскрывающий самоидентификацию социальных групп, механизм выработки «идиом самовыражения». Что, в свою очередь, помогает уточнить взгляд на структуру русского общества этого переходного периода⁷¹. Для эпохи с начала XVIII до первой четверти XIX в., когда империя воевала почти непрерывно, такая проблематика тесно привязана к автобиографии военного сословия. И если для истории войн источники личного происхождения были и остаются важны скорее как «каменоломня фактов», не отраженных в официальных архивных документах⁷², то у «штатских» исследователей внимание переместилось к самосознанию представителей военного сословия как части дворянской культуры.

Наши авторы писем представляют довольно широкую группу генералитета, штаб- и обер-офицерства в диапазоне от генералов до поручиков и подпоручиков, то есть представителей нескольких поколений. Это ставит вопрос о влиянии и проявлениях в рамках военного опыта идентичности офицерства, в большой степени совпадавшего с дворянством. В конце концов, одно из первых «модерных» определений дворянства дано в заметке Петра об офицерах⁷³. Вопрос о складывании дворянства в послепетровскую эпоху, его идентичности как маркера нового социального и культурного устройства – один из ключевых для исследовательской литературы последних десятилетий. И если после работ Ю. М. Лотмана и А. Г. Тартаковского фокус был направлен на вторую половину XVIII в., «эпоху 1812 года» и декабризм, то последнее время внимание в значительной степени переместилось как раз к занимающему нас до-екатерининскому периоду⁷⁴.

Связь «опыта войны» с «эпохой разума»⁷⁵, «человека с ружьем», каким почти исключительно был русский дворянин до Манифеста о вольности дворянства 1762 г., с «философом» второй половины XVIII в. все еще требует уточнения. Что в нем от «просвещенного воина»⁷⁶ и что от известного образа И. И. Бецкого, сравнившего доекатерининских дворян с телами, слепленными демиургом (Петром I), но лишенными души? При всем пиетете к екатерининскому веку я подозреваю некоторую искусственность подобных границ. Связанную, не в последнюю очередь, со сложностью услышать голос самих этих «бездушных тел». В чем, надеюсь, настоящая публикация отчасти поможет.

Еще один акцент работы – в сравнении и контексте. С точки зрения войны как феномена культурной истории она не может описываться с одной точки зрения, из одного угла сцены. Если немецкий нарратив оперирует анонимной массой «москвитов», то та же односторонность справедлива и для нарратива российского. Пруссаки ассоциируются тут с Фридрихом II и «Историей Семилетней войны» Архенгольца (что почти одно и то же). Лишь в последних

⁶⁹ Нащокин 1842; Данилов 1842; Лукин 1865; Болотов 1870.

⁷⁰ Муравьев 1994; Прозоровский 2004; Климов 2011. См. также Яковлев 1998; Мордвинов. Потенциал, несомненно, все еще остается: пока не обнаружены, например, дневники этого периода М. Н. Волконского (*Волконский* 2004, 10). См. также найденный И. И. Федюкиным (ВШЭ), но на момент выхода этой книги не опубликованный дневник секунд-майора Ширванского полка Алексея Ржевского за 1757–1758 гг.

⁷¹ Каменский 2013, 82–83; Schönle, Zorin 2016, 319.

⁷² Ср.: Кеер 1980, 314 («inner life» of the army). Война 1812 г. особенно часто реконструировалась как мозаика личных свидетельств, например: *Замойский, Адам*. 1812. Фатальный марш на Москву. М. 2013; *Рэй, Мари-Пьер*. Страшная трагедия. Новый взгляд на 1812. М. 2015.

⁷³ Калашиников 1999, 70–71; Петрухицев, Эррен 2013, 257.

⁷⁴ Фаизова 1999; Калашиников 1999; Каменский 2007 II; Федюкин 2014; Петрухицев, Эррен 2013; Глаголева, Ширле 2012. Для петровского времени см.: Болтунова 2011; для второй половины XVIII в.: Марасинова 1999 и 2008.

⁷⁵ Duffy 1987. В этой работе подразумевается, впрочем, только хронологическое, но не смысловое сопоставление Просвещения и войны.

⁷⁶ Казадаев А. В. Предисловие // *Рецов* 1818, XIV.

работах о Семилетней войне стали привлекаться иные источники, в том числе личного происхождения⁷⁷. «Марсов праздник» (№ 69, 70) я буду стараться по возможности представить с привлечением обоих «актерских коллективов».

Это тем более важно, что Российско-императорская армия, с которой мы имеем дело, представляет собой «великий и многонародный город» (А. Т. Болотов). Только в представленном корпусе есть письма на русском, немецком, французском, грузинском, шведском, польском языках. А в составе армии были еще и венгры, сербы, хорваты, молдаване, калмыки, татары, башкиры, мещеряки⁷⁸ – вполне «дванадесять языков» для оторопевших пруссаков. Да плюс мулы с колокольчиками, украинские волы обоза, верблюды главнокомандующего... А если прибавить сюда еще и заезжих офицеров с волонтерами, то стоит согласиться с командующим Фермором: «за грехи мои всех наций собрание»⁷⁹.

Трактовка офицерских свидетельств, выходящая за рамки истории национальной, помогает настроить правильный фокус для толкования таких текстов. Письма Томаса (Фомы) Григорьевича фон Дица (№ 102, 103), к примеру, не только по языку, но по восприятию и манере описания баталии ближе не к письмам однополчан, а к стилю, скажем, прусского фельдфебеля Либлера или к мемуарам прусского офицера Христиана фон Притвитца⁸⁰. Что неудивительно, если знать, что и остзеец Диц, и оба пруссака воспитаны в традициях немецкого пиетизма.

Наконец, наш источник демонстрирует потенциал, который все еще сохраняют зарубежные архивы для освещения «далеких войн» России, начиная с Ливонской⁸¹. В ряду других внешних свидетельств, которые нередко сообщают уникальный материал по русской истории, «Россика» такого рода способна до- или восполнить картину, складывающуюся по отечественным источникам.

⁷⁷ Анисимов 2014 привлекает прусские мемуары фон Притвитца (Prittwitz 1989) и мушкетера Доминикуса (Dominicus 1891); Доля V и VI комментирует перевод французских дневников Шарля-Марка де Буффле и Жака де Больё.

⁷⁸ В числе недавних публикаций – выписки из дневника мишаря 1756 г. с интригующим названием «Язылды бу язу 1756 елда.», изд. Р. Мардановым // Эхо веков. 2002. № 1/2, 16–18 (на татар. яз.). См.: Рахимов Р. Н. Национальная конница в русской армии: опыт Семилетней войны 1756–1763 гг. // Национализм и национально-государственное устройство России: история и современная практика. Уфа 2008, 60.

⁷⁹ Teze 1864, 1113; В. В. Фермор – М. И. Воронцову, Мариенвердер 18/29.11.1758 // АКВ VI, 349.

⁸⁰ Briefe preußischer Soldaten 1901, VI, 53–55; Prittwitz 1989.

⁸¹ См.: Бессуднова М. Б. Реалии Ливонской войны в показаниях русских военнопленных. Дюнабург, год 1577 // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2016. 1 (19), 38–45, здесь 39.

Характеристика источника

Служебная корреспонденция составляет меньшую часть почты. Документы касаются в основном вопросов по отправке в тыл и необходимости скорейшего возвращения выздоровевших или легкораненых (что понятно при остром некомплекте из-за огромных потерь при Цорндорфе); денежного, вещевого, провиантского довольствия и фуража; организации коммуникации между действующей армией и тыловыми службами и командами в ключевых пунктах Пруссии Восточной и тогдашней Польской Пруссии – в Кенигсберге, Торуня (Торне), Мариенвердере, Эльбинге (Эльблонге), где были расположены магазины и госпитали «Заграничной армии», как она официально именовалась, а также о приведении в надлежащее состояние восточнопрусских крепостей⁸².

Что определяет круг авторов писем? В большой степени тоже случай. Передача с курьером личной корреспонденции – практика полуполюгальная и терпимая до поры до времени. По рангу рассчитывать на отправку корреспонденции с фельдъегерем могли, казалось бы, скорее чины генеральского уровня и уж никак не ниже штаб-офицерских. Однако на деле мы видим большое разнообразие: наряду с генералитетом и штаб-офицерством присутствуют капитаны, поручики, подпоручики. Среди имевших более высокие чины не у всех получалось воспользоваться неформальной оказией, поскольку «об отправлении с маршев и куриеров, и штафетов наши чины не всегда знают <...> з генеральной квартирой соединяемся так позна, что она отправление свое до того делает, к тому ж бываем и совсем от нее отсудственны» (№ 3). Наоборот, штабные канцеляристы, ординарцы, квартирмейстеры, провиантмейстеры первыми узнают о курьере и успевают передать обстоятельную корреспонденцию.

Часто письма вкладываются в конверты и адресуются особам высокого ранга, что гарантирует более надежную доставку. Передавшие корреспонденцию оговариваются в письмах, что больших пакетов курьер не принимает, и поэтому, к сожалению их и моему, вынуждены ограничиться самым насущным. Диктуют свое и походные условия: «Я мог бы сочинить к вам обстоятельное письмо, в материи недостатка нет, – замечает саксонский офицер в августе того же 1758 г. из лагеря на «Западном фронте». – Да только в палатке, где ни кровати, ни стола, ни стула, особо не пишется⁸³».

Эпистолярная культура и привычка находятся в становлении и существенно отличаются у разных корреспондентов. Наряду с теми, кто переписывается часто и много⁸⁴, есть и обратные примеры. Из далекого степного Рыльска, к примеру, письма идут в армию больше полугода – и в ответ отправлены всего несколько строк (№ 14). За отдаленностью мест, неграмотностью получателя и просто отсутствия традиции переписки домашние могут оставаться в полном неведении о судьбе своих родных годами и даже десятилетиями⁸⁵.

С учетом всех обстоятельств в целом можно принять, что перед нами выжимка относительно образованного слоя армии. Культурный водораздел проходит внутри офицерства, как и внутри разнородного конгломерата российского шляхетского сословия в целом. Это один из очевидных признаков того, что мы все еще имеем дело с «пограничьем» старой и новой Рос-

⁸² См. ордер Фермора от 05/16.06.1758 // АКВ XXXIV, 108–109.

⁸³ Ганс Карл Генрих фон Траутцшен – г-ну Л., полевой лагерь при Андернахе 17.08.1758 // *Trautzschen* 1769, 86.

⁸⁴ Фома/Томас Диц упоминает, например, о получении от домашних «номера 54-го», тогда как сам отправляет уже 91-е письмо (№ 102).

⁸⁵ Например, в романтизированной биографии Петра Захаровича Хомякова: по возвращении в подмосковную деревню после 30-летнего отсутствия с 1756 г. он пребывает в полном неведении о родителях, с которыми, очевидно, не переписывался вовсе или крайне нерегулярно (*Хомяков* 1790, 259–260).

сии. Даже среди штаб- и обер-офицеров встречаются письма, по стилю и по содержанию мало отличимые от грамоток XVII и начала XVIII в.⁸⁶

Сказываются и особенности состава Заграничной армии: элитная гвардия в продолжение всей Семилетней войны остается практически незадействованной⁸⁷. В полевых полках уровень даже элементарной грамотности дворян был серьезной проблемой. Перед войной грамотность составляла среди пехотных офицеров около 70 %, но с привлечением офицеров из гарнизонных полков и ландмилиции, при необходимости усиленного производства при военных действиях этот уровень неизбежно падал⁸⁸.

Мобилизованный в качестве капеллана российской армией прусский пастор Христиан Теге писал, что в плену в Кюстрине после Цорндорфской баталии ему «пришлось жить с грубыми офицерами, которых образ жизни и привычки внушили мне отвращение» и постарался «сыскать других товарищей». Среди тех, кто пишет, есть и первые, но в большинстве – те самые «другие товарищи» «с более тонким образом мысли»⁸⁹. В числе «военных интеллигентов» помимо хрестоматийного А. Т. Болотова, который, впрочем, практически всю войну отсиживался в кенигсбергском тылу, из бывших в поле можно назвать любителя романов и диариста поручика Якова Яковлевича Мордвинова или отставленного капитаном артиллерии Ивана Григорьевича Мосолова, который оставил «военные книги» и «тетради скорописные... с разными примечаниями»⁹⁰.

В категориях социологии вполне допустимо принять этот архивный материал как случайную выборку, которая дает представительный срез российской Заграничной армии.

Можно уверенно говорить о типологической *структуре писем*: наряду с вводной и финальной частью письма часть основная также строится преимущественно по определенному шаблону. Помимо обязательной даты и места написания (обычно в конце письма) в начале нередко ставится порядковый номер, упоминается о получении «вашего номера такого-то» или идет ориентирование в порядке корреспонденции («это мое такое-то письмо, ваше пришло тогда-то...»). Обычный прием для корреспонденции XVIII – начала XIX в., «понеже часто посылаемые письма через почту пропадают и для того, всегда должно смотреть по порядку ли № оное получено и естли не по порядку, то писать, что такое писмо утратилось»⁹¹.

Затем следует информативная часть: в нашем случае, как правило, разной степени подробности описание баталии при Цорндорфе и настоящего положения армии («а ныне маршируем...»). После следует «поручительная» деловая часть – информация о денежных расчетах, долгах, векселях и авансах, просьбы о присылке того или иного, указания по управлению имением или домом, просьбы о прошениях – преимущественно об отпуске и ходатайствам

⁸⁶ *Петрухищев, Эррен* 2013, 6. Ср., например, письма Данилы Хрипкова (№ 74–75) с перехваченными в начале Северной войны шведами солдатскими и офицерскими письмами: *Козлов* 2008, 198–213 и письмами русских пленных: *Козлов* 2011.

⁸⁷ В феврале 1758 г. с участием гвардии собирались сформировать вспомогательный корпус для участия в составе австрийской армии. Затем под впечатлением цорндорфского кровопускания в конце августа 1758 г. А. Б. Бутурлину поручили формировать «большую армию», «собираемую около Риги», включая составленный из добровольцев гвардейский отряд под начальством генерал-поручика кн. Александра Меншикова (сына «Алексашки»). Однако к зиме 1759 г. решение отложили (*СА Х*, 522, 528, 540, 542; *Карцов* 1854, 474 et passim; *Чичерин* 1883, 120 et passim).

⁸⁸ В начале 1758 г. в предписании П. А. Румянцеву конференции говорилось по поводу комплектования запасных эскадронов конницы: «Понеже довольно известно, что в кавалерийских полках <...> дворян, грамоты знающих, довольно находится, а напротив того в полевых пехотных их так мало, что не точию в офицеры, но и в унтер-офицеры производить не кого» – предписывалось отправить грамотных дворян из нижних чинов в пехоту (*Масловский II*, 126 второй пагинации). *Калашиников* 1999, 127–130 (данные по грамотности на 1745 г.), *Фаизова* 1999, 53.

⁸⁹ *Täge* 1804, 196; *Tege* 1864, 1128. Мемуары Христиана Теге записаны через полвека после описываемых событий в литературной обработке кенигсбергского издателя и писателя А. С. Гербера, переведены с купюрами, поэтому часть цитат будет со ссылками на немецкий оригинал. О Теге: *Füssel* 2010 II.

⁹⁰ *Мосолов* 1905, 124 («Знал разные науки и говорил по-немецки»). Пару лет спустя, осенью 1764 г., под Варшавой офицеры уже ставят «от скуки» «Скупого Гарпагона» Мольера (*Хомяков* 1790, 58).

⁹¹ *Щербатов* 1965, 453.

в продвижении по службе. В завершающей части передаются поклоны родственникам, крестным, друзьям и благодетелям. И наконец следуют различные конвенциональные формы прощания.

«Видиш я залпом сколко написал, да еще бумашки пришлю» (№ 62): такое могут себе позволить разве что бумажные души, интенданты да канцеляристы. В остальном видно, что письма написаны в чрезвычайных обстоятельствах с марша. Формат их чрезвычайно разнообразный: «цыдульки» Петра Панина Б. А. Куракину (№ 5, 6) или Василия Долгорукова жене (№ 77) – далеко не последних людей в армии, заметим, – написаны буквально на клочках бумаги; местами рваные; иногда донельзя заношенные по карманам в ожидании оказии, как у гусара Грузинского полка Степана Эристового (№ 83). Тогда как письмо Корнилия Бороздина П. И. Шувалову (№ 36) или В. В. Фермора Ф. И. фон Эмме (№ 90) на роскошной голландской бумаге с золотым обрезом. Что неудивительно: в одном случае это прошение генерал-фельдцейхмейстеру о переводе своего сына, в другом – обращение к вице-президенту Коллегии лифляндских и эстляндских дел, от которого зависело в том числе благосостояние имени командующего. На квартирах, надо думать, с бумагой получше: Андрей Тимофеевич Болотов в перерыве между кампаниями зимой 1758 г. переписывает свой перевод Прево тушью «как можно лучшим и красивейшим письмом», «сделав тетрадки из лучшей почтовой бумаги»⁹².

В остальном о бумаге ничего примечательного сказать не могу: она со стандартной для этой эпохи эмблематикой (филиграни Pro Patria, Beehive, рожок, лилия, герб Амстердама, почтальон, голова шута) и литерами (J Honig & Zoon, C & I Honig, GR, IGL, AJ и др.). В большинстве своем, очевидно, голландская; есть также бумага немецкого (саксонского, восточно-прусского), возможно, петербургского и английского производства. Нередко, что также извинительно в походных условиях, бумага вовсе без филиграни или лист разорван⁹³. Даже для челобитных на высочайшее имя гербовой бумаги не находится, приходится писать на простой⁹⁴. Австриец Сент-Андре вынужден отослать первую реляцию о Цорндорфской битве в Вену канцлеру Кауницу на одном листке, так как «ни одного листа бумаги, годного для письма, не осталось»⁹⁵ (писать с обеих сторон листа, как это практикуется в частных письмах, в реляции для канцлера, естественно, немыслимо).

Чернила, как упоминалось, часто разбавлены водой. Скажем тут, кстати, что для передачи конфиденциальной информации использовались симпатические чернила. Так, к примеру, написана реляция о Цорндорфской баталии в письме принца Карла Саксонского, следующая после бытовой части письма, написанной обычными чернилами⁹⁶. В походной секретной канцелярии для этих целей применялась «цифирь» – цифровые шифры.

Примерно половина писем – в отдельных конвертах, остальные сложены конвертом; почти все запечатаны личными печатями красного сургуча⁹⁷. В большинстве своем дворянские гербы, в некоторых случаях печатка с вырезанным изображением, камеей. Обычной практикой было вкладывать в один конверт несколько писем для дальнейшей передачи/пересылки респондентом либо для разных лиц по одному адресу. Чем формальнее письмо, тем крупнее отступы и пробелы, которые служили в эпистолярном этикете эквивалентом уважения, оказан-

⁹² Болотов I, 610.

⁹³ Что в обычных условиях было бы воспринято как не комильфо. Ср.: не дали «почтовой бумаги, и для того на дурной пишу, и перо как палка» (А. К. Воронцова – А. М. Строгановой (Воронцовой), СПб. 04/15.07.1761 // АКВ IV, 475).

⁹⁴ См. челобитную П. И. Панина декабря 1758 г. в разделе «Действующие лица».

⁹⁵ Ф. Д. Сент-Андре – В. А. Кауницу, Дризен 27.08.1758 // OeStA. NHStA Kriegsakten 371. A. Bl. 304.

⁹⁶ Принц Карл Саксонский – курпринцу Фридриху Кристиану Саксонскому, Ландсберг сентябрь 1758 // Lippert 1908, 321–325.

⁹⁷ Во время официального траура по меньшей мере на казенную корреспонденцию ставились черные печати (Струков 1902, 260).

ного автором адресату⁹⁸. В личных письмах за недостатком бумаги этим часто пренебрегают, на полях вписаны исправления и дополнения. Своих домашних авторы писем, наоборот, призывают писать «попространнее, не оставляя большее место бумаги неписанной» (№ 33, 62).

Стиль⁹⁹ корреспонденции, конечно, уже далеко уходит от эпистолярного этикета московского периода: нет челобитья и постоянного тыканья¹⁰⁰, нет *холопов*. Исчезает сам архаический термин «грамотки» для писем. Часто употребляющиеся *раб*, и нередко, параллельно с ним, *слуга*, выражают учтивость, но не самоуничижение¹⁰¹. Язык писем часто выдает обиходно-разговорные интонации, фиксируя функцию подобного рода текстов – диалог с адресатом: «Я так вам пишу, будто я с вами говорю»¹⁰². «Далие же да вам дарогая ныне распространятся времени не имею, затем что мы выступили апятъ в свои марш со всею нашею армиею», я «от всей истинности внутренней моей желаю тебе, дорогой моей, добраго здравия без печали» (№ 7, 62), боец за счастье трудового народа полка имени Августа Бебеля... но виноват, увлекся.

Диалогичность писем, для нас очевидная, вовсе не является само собой разумеющейся для раннего Нового времени, когда переписка часто имела формальный характер и использовалась для поддержания «взаимства» и «приведения в любовь»¹⁰³. Функция частной переписки как средства социального общения в формате «фамильярных» (*familiar*), дружеских, сентиментальных писем только утверждается, и середина XVIII в. в России в этом смысле носит переходный характер¹⁰⁴. В то же время сама эта «дружественность» / «фамильярность» еще не приобретает черты ритуала и клише, каковыми отличается корреспонденция ближе к концу XVIII в.¹⁰⁵ Доверительный и непосредственный уровень общения респондентов, вообще характерный для этой эпохи с ее стилистической неупорядоченностью и отсутствием строгих границ между языками разных социальных групп¹⁰⁶, выдает, в частности, употребление пословиц («гусиные лапки завсегда сладки», «сквозь петлю вино пил», № 9, 30).

Выбор стиля между старожитной наивностью («чтоб скорей увидитца всем небезнадежды, атаперь хотя изаошно навсегда верный твой друк», № 41) и витиеватыми барочными формулами письмовников («в протчем поруча себя в неотменную ко мне вашу милость пребуду пока жив с должным высокопочитанием и совершенною преданностию», № 53) определяется скорее поколенческой разницей, чем разностью адресатов¹⁰⁷. Оба приведенных выше примера – из писем к ближайшим родственникам. Однако в первом случае автору почти шесть-

⁹⁸ Бекасова 2006, 109. Ценной информацией по истории стиля писем я обязан Виктории Фреде-Монтмайор (ун-т Беркли). Благодарю за текст предоставленного ей неопубликованного выступления на конвенции ASEES 2016 г. «*Military Masculinity and the Sentimental Letter during the Napoleonic Campaigns*».

⁹⁹ Ср. для немного более позднего периода: Бекасова 2006, 102–120. Об эпистолярном стиле XVIII в. в общем: *Nikisch, Reinhard*. Die Stilprinzipien in den deutschen Briefstellern des 17. und 18. Jahrhunderts. Göttingen 1969. Следует заметить, что до Екатерининской эпохи эпистолярный этикет в России ориентировался в большой степени на немецкие образцы, отсюда много параллелей у русских и немецких писем нашего корпуса.

¹⁰⁰ О нестабильности нормы «ты/вы» в корреспонденции середины XVIII в.: *Bernstein, Laura*. Merchant «Correspondence» and Russian Letter-Writing Manuals: Petr Ivanovich Bogdanovich and His Pis'movnik for Merchants // *The Slavic and East European Journal*, Vol. 46, No. 4 (Winter, 2002), 659–682, здесь 663–664.

¹⁰¹ *Полонский* 2013 I; *Марасинова* 2017, 325–336.

¹⁰² *Долгорукова* 1913, 14. Ср. «А коли не вижу, так хоть то удовольствие, что будто с тобою говорю, батюшка мой, и так редко нонеча переписываемся» (Е. М. Румянцев – П. А. Румянцеву, 01/12.04.[1763] // Бекасова 2006, 91; «Мне кажется, когда к тебе начну писать, будто я с тобою говорю» (А. К. Воронцова – А. М. Строгановой (Воронцовой), СПб. 20.02./03.03.1761 // *АКВ IV*, 461) и т. п.

¹⁰³ Бекасова 2006, 40.

¹⁰⁴ *Кошелева* 2003; *Marker* 2010, 133. Переписка вызвана «потребностью общаться друг с другом, покуда мы живы», констатирует американский письмовник конца XVIII в. (*Dierks K*. The Familiar Letter and Social Refinement in America, 1750–1850 // *Barton D., Hall N.* (eds.) *Letter Writing as a Social Practice*. Amsterdam – Philadelphia 1999, 32–33).

¹⁰⁵ О формализации и ритуализации писем: *Марасинова* 1999, 43–46.

¹⁰⁶ См. комментарий к употреблению пословиц (№ 8, 26). В общем: *Кузнецов А. Е.* Просторечие в «Записках» А. Т. Болотова // *Русская речь*. 2010. № 2, 78–81.

¹⁰⁷ Следующий после петровских письмовников появился только в 1765 г. (*Joukovskaia* 1999, 667 et passim).

десять лет, тогда как второй – молодой человек, для которого разговорный «масковский» стиль в переписке неприемлем как архаичный и неполитичный.

Хотя, называя русских «московитами»¹⁰⁸, Фридрих II не так уж неправ. Господствует эклектика: допетровская Русь еще живет в *кафтанах* и *епанчах*, в выносных буквах скорописи и в словесных формулах, в нравах и стиле жизни вдали от двора¹⁰⁹. Эпистолярный этикет на переломе столетия ближе к началу века, чем к его концу¹¹⁰. Сохраняется конвенциональная передача поклонов: пусть уже не с таким формализмом, как в предыдущем веке¹¹¹, но соответствующая часть занимает до трети текста. К примеру, в письме П. И. Мещерского (№ 55) в приписке для жены собственно ей самой уделены три строчки из двенадцати. В остальных – поклоны государыням сестрам и всяческим Федорам Фомичам с Матвеями Ивановичами.

В отличие от немецких и остзейских писем, как правило, при ссылках всякого рода на родных и знакомых в письмах ограничиваются именем и отчеством, что при отсутствии контекста делает идентификацию названных лиц очень проблематичной. Обратим, кстати, внимание на архаизм имен: в дворянском – даже генеральском – круге общения то и дело мелькают Мины Ивановичи, Фомы Силычи, Савелии Авдеичи или вовсе экзотическая Анимаиса (№ 99). Уже скоро такой набор имен будет отсылать в лучшем случае к «темному» купечеству, пушкинская Татьяна произведет фурор, а дочь одного из братьев Орловых, Екатерина Новосильцева, доведет сына до самоубийства, отказав ему в женитьбе «на какой-то Пахомовне».

Письма с поклонами обнаруживают еще одну архаическую черту корреспонденции, ее редко предполагавшийся сугубо интимный характер. Очевидно, что помимо непосредственного адресата они писались для широкого круга родных и знакомых в расчете на то, что адресат даст читать – или скорее прочтет вслух – такое письмо всем упоминаемым лицам («К тебе писанные мои письма можете оригинально ему государю моему сообщать», № 35). Широко распространено по-прежнему применение терминов родства к лицам, не обязательно являющимся кровными или духовными родственниками (*батюшка, матушка, братец*)¹¹² – хотя это в равной степени характерно и для немецких писем корпуса.

Дифференциация в зависимости от адресата выдает разность стратегий и идиом самопредставления. Сравнение, к примеру, двух писем двадцатилетнего князя Сергея Мещерского – Прасковье Александровне Брюс (Румянцевой), «наперснице» вел. кн. Екатерины, и своему отцу кн. Василию Ивановичу Мещерскому (№ 26–27) – хорошо иллюстрирует сосуществование в переходный период языков и стилей общения. «Птенец гнезда Петрова, изысканный на новомодном жаргоне, вынужден переходить на более общепонятный идиом при общении с представителями старшего поколения или членами других социальных групп»¹¹³. Жовиальный тон с переключениями между русским и французским (отвечающий, заметим, эпистолярному стилю самой Прасковьи Брюс¹¹⁴) меняется у князя Сергея на строгий и архаичный в слезном письме батюшке с просьбами о вспомоществовании¹¹⁵. Подобную же множественность идентичностей можно наблюдать в письмах Алексея Ильина: солидно-архаичный стиль общения с родителями (№ 48), повествовательно-нейтральный с братом (№ 49), сдер-

¹⁰⁸ Русские, между прочим, рассматривали такое обращение к себе пруссаков как оскорбление, «запрещая его на полном серьезе. Ослушавшимся грозил удар нагайкой, а то и саблей» (*Bertuch* 1828, 43).

¹⁰⁹ Ср.: *Donald Ostrowski*. The End of Muscovy: The Case for circa 1800 // *Slavic Review*. Vol. 69. N 2 (2010), 426–438.

¹¹⁰ *Козлов* 2011.

¹¹¹ Ср.: *Scheidegger* 1980; *Дмитриева* 1986; *Goehrke* 1989; *Атанасова-Соколова* 2006 I.

¹¹² *Полонский* 2013 II.

¹¹³ *Живов* 2009, 13.

¹¹⁴ *Брюс* 1881.

¹¹⁵ Ср. аналогичный прием на примере второй половины XVIII в. в корреспонденции М. Н. Муравьева с отцом и сестрой (*Атанасова-Соколова* 2006 II).

жанно-галантный с «любезной» (№ 50), обстоятельный и подробный с «интеллигентной» влиятельной родней (№ 53).

Круг адресатов наших авторов с большим отрывом составляют родственники, в том числе крестные, «милостивцы»-патроны¹¹⁶, а также, условно говоря, деловые партнеры. Функция писем «милостивцам» – не только просьбы или благодарности. Но и «поддержание символической связи между клиентом и патроном посредством регулярной переписки», стилистически выверенной и представлявшей нередко «инсайдерские» сведения в условиях ограниченных и запаздывавших информационных потоков. От поддержания такой переписки в большой степени зависела дальнейшая карьера клиента¹¹⁷.

Дружеская переписка в ее классическом виде, которая составляет стержень европейской эпистолярной культуры Просвещения, а со второй половины XVIII в. законодательствует и в России, пока еще мало распространена. Хотя ее образцы присутствуют как в нашем корпусе (№ 65, 66), так и вне его, от переписки А. Т. Болотова до корреспонденции между И. И. Шуваловым и И. Г. Чернышевым, которые именовали себя в ней «Орестом» и «Пиладом»¹¹⁸. Для общения с людьми своего поколения и духа характерен «ноншалантный» делано-небрежный стиль с лирическими отступлениями (№ 69, 70). Жанр писем любовных (№ 28, 50) к середине XVIII в. тоже только формируется. Наряду с употреблением нового «галантного» языка здесь же обнаруживаются вполне архаические черты: обращение «матушка», к примеру, трудно представимое в этом контексте уже в Екатерининскую эпоху (№ 50).

Иностранные языки: признаки начинающейся галломании несомненно присутствуют. В упоминании, к примеру, петербургских петиметров у Я. А. Брюса (№ 26) – на корявом французском, несмотря на то что Брюс провел до того год волонтером во французской армии. Столичной молодежи, впитавшей елизаветинскую придворную культуру, в Заграничной армии немного, вроде князя Сергея Мещерского (№ 26) или подписавшегося псевдонимом *Rakalache*, который по-французски адресует своей Натали (№ 28). Обращает на себя внимание также, что на французском у остзейцев пишется адрес на конвертах¹¹⁹.

В остальном преобладает немецкий, и не только благодаря письмам остзейцев. П. И. Шувалов, зная французский, говорил, однако, только по-немецки¹²⁰. Знанием немецкого обладают многие образованные русские офицеры помимо хорошо известного А. Т. Болотова. В совершенстве им владеют А. И. Бибиков, братья Панины, проведенные детство в Эстляндии. Над П. А. Румянцевым, который в молодости год провел при посольстве в Берлине, вообще посмеиваются из-за его немецкого акцента¹²¹. Даже Степан Федорович Апраксин «говорил по-немецки достаточно»¹²². На немецком, пусть и корявом, протопресвитер Заграничной армии Иоанн Богаевский¹²³ общается с пастором Теге, стоя вместе на квартире¹²⁴. Немецкий по-преж-

¹¹⁶ Обзор литературы о патронате в России: *Лавринович* 2016, там же о взаимосвязи патроната и дружбы. См. также: *Osprovat* 2011.

¹¹⁷ Ср.: *Хаванова* 2018, 51 et passim.

¹¹⁸ *Веселова* 2013 (переписка А. Т. Болотова и Н. Е. Тулубьева); И. Г. Чернышев – И. И. Шувалову [Рига? июль 1757 г.] // *Шувалов* 1841 II, 28. О феномене «дружеского письма» в целом см.: *Лазарчук* 1972, *Todd* 1994.

¹¹⁹ «В середине XVIII в. и позднее практически большинство адресов в немецких письмах написано по-французски» (*Steinhausen* 1889, 271).

¹²⁰ *Фавье* 1887, 394.

¹²¹ *Бекасова* 2006, 38–39.

¹²² *Пищевич* 1884, 171–172.

¹²³ Его сын, Иван Иванович Богаевский (1750 – после 1802), учился «на иждивении отца» в Германии, затем по рекомендации российского посла в Берлине и при поддержке П. И. Панина получил место в Академии наук, став одним из лучших переводчиков с и на немецкий. Добился чина с потомственным дворянством, обер-секретарь Сената, редактор «Санкт-Петербургских Ведомостей». См.: *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей кн. А. Б. Куракину (1752–1818). М. 2002, 95–104.

¹²⁴ *Tege* 1864, 1117; *Nachrichten* 1759, 766.

нему может иметь ключевое значение для карьерных стратегий¹²⁵, а в армии, воюющей с пруссаком, особенно.

Вполне практическое значение все еще имеет латынь. Знания латыни требуются православным священникам при полках, где служит много иностранцев¹²⁶; на латыни долго и пространно беседует с горожанами в Восточной Пруссии некий драгунский офицер¹²⁷; наряду с польским она востребована при марше и расквартировании РИА в Польше¹²⁸. Латынь по-прежнему употребительна и в дипломатической переписке по военным вопросам, прежде всего в корреспонденции с Венной¹²⁹.

Языковой трансфер, надо заметить, шел и в обратном направлении. В попытках найти общий язык с российскими войсками подданные Фридриха пытались учить русский: жена управляющего именем «могла сыскать ласку от казаков выучась несколько порусски [...] и зато ее звали *гуте мачка*». Правда, результаты не всегда были убедительны¹³⁰. Так же вынужденным образом выучил русский и прусский пастор Теге в петропавловском каземате, откуда его караульные рассказывали «батюшке» «русские народные сказки»¹³¹. Первые результаты русификации явно видны и в корреспонденции остзейцев, от вкрапления русских слов и прямого двуязычия (№ 40, 99), перемешанного старого с новым стилем хронологии, употребления «братец» в «русском» стиле до русифицированных немецких топонимов (Cistrin) и удивительных грамматических гибридов (см. комментарий к «остзейским» письмам).

О почерках: в нашем корпусе их образцы даны в изобилии, и по ним многое можно сказать. Писарской разборчивой рукой составлены, конечно, прежде всего официальные письма. Для писем частных эпистолярный этикет предусматривает, чтобы они были писаны собственноручно, а не секретарем, как дань уважения и «приятства». Но все же несобственноручное писание по разным причинам присутствует и в частной корреспонденции. Во-первых, в случае, когда письмо, не будучи служебным, должно иметь более официальный характер. Такой прием применен, например, в № 89, где Фермор предупреждает своего знакомого о недопустимом поведении его сына в армии. Четкий писарский почерк отличает письма Харитона Зуева или Алексея Ильина (№ 48–53, 56), но по другой причине: это профессионалы, штабные канцеляристы, которые не делают разницы и для собственной частной переписки. Почерком Ильина написаны также два письма Степана Ржевского (№ 45–46) – но здесь, как в аналогичных случаях, из-за слабости и/или ранения отправителя. Раненый Степан Ржевский извиняется в письме родителям: «Рукою еще вовсе управлять не могу, что из даннова моего писма видеть изволите». И тем не менее второе письмо родителям еще успевает написать сам (№ 47).

¹²⁵ Болотов I, 275 о своих привилегиях в общении с полковником, не говорящим по-русски.

¹²⁶ ОДД СПС, 472–473 (тут речь о Молдавском гусарском полке). Среди гусар РИА также распространен немецкий, поскольку многие – выходцы из Габсбургских земель. О латыни в России XVIII в. см. статьи В. Ржеуцко и Е. Кисловой в: *Rjéoutski V., Frijhoff W. (eds.) Language Choice in Enlightenment Europe. Education, Sociability, and Governance. Amsterdam 2018, 169–224.*

¹²⁷ *Pastenaci* 1866, 473.

¹²⁸ Для этой цели, к примеру, в Обсервационный корпус специально искали офицеров и солдат со знанием латыни и польского (Опись дел Секретного повывья Московского отделения Общего архива Главного Штаба. М. 1890, 100).

¹²⁹ На латыни, к примеру, составлено письмо в. к. Петра Федоровича имп. Марии Терезии (OeStA. HHStA StAbt Russland I 37 Russica, Bl. 38).

¹³⁰ Шувалов И. И. – Голицыной П. И., Бреслау 20.05.1763 // *Шувалов* 1841 I, 134. «Так как прежний повседневный опыт показал повсюду, что некоторое ожесточение не только возникает, но и увеличивается оттого, что местные жители не могут объясниться со своими иноплеменными гостями, и что одни других не могут убедить, то первые, пусть даже пребывавшие в преклонных летах, видели себя принужденными учить чужой язык, если им посчастливилось встретить кого-то, кто мог говорить на обоих языках, и от которых они могли узнать русские наименования провианта и прочие часто встречающиеся или употребительные выражения. [Один деревенский] пастор приложил к этому большие старания, однако не извлек никакой выгоды. Ибо когда он в ответ на требования своих гостей (мародерствующих казаков. – Д. С.) ответил на их языке, что все припасы уже исчезли, они выказали мало радости, что житель Новой марки говорит на их наречии, ответив ему нагайкой, а один ударил его фухтелем» (*Nachrichten* 1759, 789–790).

¹³¹ *Tege* 1865, 1157; *Täge* 1804, 282–284.

Кн. Василий Долгоруков, также раненый, пишет жене самостоятельно. По его почерку заметны и слабость из-за ранения, и следствия его непростой судьбы. По преданию, как отпрыску ненавистного рода при имп. Анне Иоанновне ему было запрещено учиться грамоте и свои умения он приобрел исключительно самостоятельно (№ 77). По выработанности почерка можно, кажется, судить об общей степени культурности автора: круглый, крупный почерк Николая Николева, с буквами, написанными порознь, напоминает детский и вполне соответствует лапидарности и примитивности содержания (№ 18–22). Однако на такой же сетовал и издатель мемуаров М. В. Данилова, человека отнюдь не заурядного: «очень дурного почерка, едва ли не детского»¹³².

Проблема нечитаемости почерков, очевидно, была актуальна и для современников: в большой степени этим объясняется неудача двух переводчиков перед Леонардом Эйлером в передаче содержания русских писем. Сам Эйлер в плохо читаемых местах подписывал над строчкой по букве, что скрывают каракули автора (например, в письме Я. А. Брюса жене, № 26). Интересно, что плохо разбираемые почерки характерны скорее для высшего офицерства (В. Долгоруков, П. И. Панин и др.), которое, очевидно, многое может делегировать писарям. То, что мы имеем дело с общей проблемой, говорит и пример П. А. Румянцева: его письма адресаты часто не могли разобрать, для дешифровки требовалась помощь супруги, сестер или сыновей¹³³. В лейб-гвардии Семеновском полку полковым писарям для исправления почерка устраивали даже «каллиграфический класс»¹³⁴.

С другой стороны, небрежность в письмах может объясняться полевыми условиями утомительного марша, а также, как нередко оговаривается в самих письмах, необходимостью спешно закончить их «за отправлением курьера» (№ 105).

Политика полей у страниц также подчиняется правилам эпистолярного этикета. В официальных письмах широкие отступы по горизонтали и поля по вертикали обязательны. Однако в частных письмах вставки на полях встречаются довольно часто. Иногда из-за недостатка бумаги практически все поля использованы для того, чтобы уместить на них окончание письма, как в грузинском письме № 85. Зато даже в этих походных условиях авторы практически не допускают замаранных слов. Обратные примеры чрезвычайно редки, ибо помарки рассматриваются в эпистолярном этикете эпохи как «великая неучтивость»¹³⁵.

При отсутствии устоявшихся орфографических и грамматических правил, разумеется, не соблюдаются они и в корреспонденции. Пунктуация редко отсутствует вовсе; но там, где она есть, употребляется, как можно ожидать, тоже вразнобой. Наряду с современными (запятая, точка) используются архаические формы, типичные для европейского XVIII в. в целом (надстрочные точки в конце предложения; там же как вариация могут стоять двоеточие, точка с запятой, точка и косая черта и т. п.), или заимствования (точка или запятая после порядкового числительного в датах аналогично немецкому узусу («12. сентября»). В одном случае (№ 9) точками вообще разделено каждое слово в письме.

Если передача на письме московского «аканья» общераспространена, то в написании слов нерусского происхождения («отаковали», «батальяны») или географических названий («Кенец берх») явной становится разница в образовании и культурном багаже.

¹³² Строев П. М. [Предисловие] // *Данилов* 1842, IV.

¹³³ *Бекасова* 2006, 57–58. Почерк мог сыграть важную роль в карьере. Так, в ответ на просьбу сына устроить его в российское посольство в Париже отец отказывает на том основании, «что порусски напишешь, никто прочесть не может [...] Брось все науки, а учишь писать слова снова» (Р. И. Воронцов – А. Р. Воронцову, [СПб.] 22.07./02.08.1759 // *АКВ XXXI*, 33. Поскольку проблема с «худым и нечетким почерком» в дальнейшем так и не исчезла, Александру Романовичу Воронцову приходилось посылать важные письма в двух экземплярах – с копией писарским почерком (*Там же*, 81–82, 113).

¹³⁴ *Карцов* 1854, 92.

¹³⁵ «Всего дурнее, что ты в письме еще и мараешь слова. Это великая неучтивость: я требую от тебя, чтобы ты писал нескоро и чисто» (Р. И. Воронцов – А. Р. Воронцову, [СПб.] 06/17.10.1758 // *АКВ XXXI*, 29).

С точки зрения современной пунктуации текст кажется «неживым», лишенным эмоций и интонаций. Эпистолярная культура елизаветинской России отличается тут и от собственных книжных норм, и, в сравнении, от немецкой культуры корреспонденции. Там с пафосом «естественности» и чувственности письма иной раз стали представлять собой «исключительно, к месту и не к месту употребленные, восклицательные знаки» – удвоенные, утроенные и учетверенные¹³⁶. То же касается многочисленных «Ах!», «О!» и прочих атрибутов последующей сентиментальной эпохи. Можно ли отсюда заключить, что правы люди этой самой следующей эпохи, как тот же не дающий мне покоя Иван Иванович Бецкой со своей метафорой о «бездушных» телах до Екатерины II или пруссаки, характеризующие русских как бесчувственных варваров?¹³⁷ Вряд ли.

Исследователи эпистолярной культуры опираются преимущественно на тексты, созданные культурной элитой – чем офицерство в елизаветинской России, и тем более, в полевых полках, явно не является. Тем не менее и в наших письмах есть прямые свидетельства об эмоциональном климате эпохи. Секретарь Алексей Ильин пишет о «люющих слезы» офицерах, отправляющихся в армию. И хотя «плаксивым» они себя признавать не хотят, но и «нечувствительный человек» служит синонимом для человека «негодного» (№ 53). В другом месте выражение шока передается через: «немые были и не чувствовали себя» (№ 56).

Эмоционализация присутствует и в употреблении междометий: вместо привычных «Ах!» и «О!» европейского сентиментализма – универсальное «ей-ей» («ее (ей-ей) сердечно сажелею» см. № 27, 32 и др.), вводные типа «чур» («Толко чур не так вот как прежде», № 61) или уже совсем просторечное «ну-та ли» (№ 61). Оставляю при этом открытым вопрос, означает ли разница в формах выражения разницу в самих эмоциях. Эмоциональную нагрузку несут и сформулированные «чувствительно» места. Например, «Боже милостив, Господи, как мы бесчасны» или «alors pour l'Amour de Dieu soyez moi fidelle» (№ 28, 78)¹³⁸. Только «вопросительной» или «удивительной» (восклицательный) знаки при них отсутствуют. Восклицательный знак вообще употребляется редко и исключительно формально, при обращении (№ 69, 70, 89). Очевидно, он воспринимается как атрибут высокого формального штиля и книжной культуры. Восклицательный знак употребляется также в местах, к которым требовалось привлечь особое внимание читателя, например: «А за прусским лагarem <...> вседневно примечание было!»¹³⁹

Перенос и в русских, и в немецкоязычных письмах обозначается редко и, как правило, не современным способом, а особым значком, как, к примеру, в прусских письмах (№ 111, 112) или двумя параллельными штрихами аналогично современному знаку равенства (например, в письме П. И. Панина жене № 8 и др.). В качестве знака «вместительного» (скобки)¹⁴⁰ могут употребляться квадратные скобки (№ 55); тире и дефис отсутствуют вовсе.

В одном месте, стремясь придать эмоциональность тексту, остряк прибегает к приему на манер детских книжек с картинками в тексте, вставляя их вместо слова «сердце» («желаю иметь великое счастье, чтобы еще раз в этой жизни тебя мое вселюбезное ♥ мог обнять», № 99).

Из других пикториальных знаков отметим присутствие в письмах (№ 7, 8, 67) сверху на полях креста. Какие-то особые благочестивые пассажи при этом отсутствуют. Крест представляет собой, очевидно, благословение автором своего письма и должен помочь ему дойти до адресата. Маркирование подобным образом личных документов подтверждается аналогичными примерами: так, в дневнике 1786 г. помещик при поминании умерших «выстав-

¹³⁶ См.: Steinhausen 1889, 279–280.

¹³⁷ См.: № 115–116 и комментарий.

¹³⁸ Бога ради, будьте же мне верны (франц.).

¹³⁹ В ответах В. В. Фермора на опросные пункты Конференции по окончании кампании (Яковлев 1998, 88).

¹⁴⁰ Ломоносов М. В. Российская грамматика. М., 1755, 60–61 (§ 126–133).

лял в таких случаях слева на полях крестик»¹⁴¹. И в светском по характеру «Маршруте Четвертого гранодерского полка» 1757–1763 годов. Я. Я. Мордвинова по всей тетради снизу на полях идет постраничная запись-скрепа: «Млстью – Гда – бга – испса – нашего – Иисуса – Христа – поблагодати Иево – вседержителя – десницы – всегда – ныне – иприсно – иво-веки – веков – Аминь»¹⁴². Аналогичная практика засвидетельствована для консервативного купечества и столетием позже: «При начале письма отец почти всегда ставит крест в знак того, что пишет, испрашивая Божьего благословения»¹⁴³.

¹⁴¹ Сивков К. Полгода из жизни провинциального помещика конца XVIII века // *Голос минувшего*. 1915. № 9, 271–277, здесь 275.

¹⁴² Мордвинов.

¹⁴³ Выходец из купечества Н. П. Вишняков о своем отце, П. М. Вишнякове (1781–1847), цит. по: Ульянова Г. Н. Автобиографические тексты купечества: религиозное сознание и религиозное поведение // *Манчестер Л., Сдвижков Д. А.* (ред.). *Автобиографика и православие в России кон. XVII – нач. XX вв.: вера и личность в меняющемся обществе*. М. 2019 (в печати). См. там же, что крест или «ГБ» (Господи, благослови») ставились в начале амбарных книг.

«Безпримерное происшествие»

*Не пыль во поле пылит. – Прусак с армией валит;
Наши зачали палить, – дымом с сажницей валить...
Они билися-рубилися четырнадцать часов.
Миновалася баталья, – стали тела
разбирать...¹⁴⁴*

Рискуя утомить «штатского» читателя обилием подробностей и деталей, все же не могу далее не привести настолько подробную, насколько ее позволяют реконструировать источники, картину того, с чем столкнулись наши герои накануне, во время и после баталии, при написании своих писем. Привлечение личных свидетельств позволит, надеюсь, избежать анонимности и автоматизма описания военных событий в жанре «ди эрсте колонне марширт, ди цвайте колонне марширт».

Если микроистория немыслима без детального описания реалий времени и места, то Цорндорфская баталия представляет для этого исключительно благодатную почву. «Никогда и ни о какой баталии так много писано не было, как о помянутой цорндорфской или, как некоторые называли, кюстринской», – справедливо в сем случае замечает Болотов¹⁴⁵. Неопределенный итог Цорндорфа стал не только предметом войны перьев в европейской прессе и публицистике, но и внутренних разбирательств, следы которых отложились в различных архивах. В России невиданные потери в битве и неоднозначные результаты похода 1758 г. привели сразу к нескольким расследованиям. Непосредственно после баталии отдельные реляции были составлены по неформальной инициативе И. И. Шувалова (№ 3, комментарий). Отдельное расследование по своему ведомству провел его брат генерал-фельдцейхмейстер П. И. Шувалов¹⁴⁶. Вскоре при участии третьего брата А. И. Шувалова последовало формальное разбирательство со стороны Конференции при Высочайшем дворе, которое уже шло по привычным рельсам: только что апоплексическим ударом С. Ф. Апраксина закончилось расследование неудач предыдущей кампании 1757 г. В Заграничную армию в феврале – марте 1759 г. был направлен комендант Петропавловской крепости (и шурина А. И. Шувалова) Иван Иванович Костюрин, разосланы опросные листы генералитету и штаб-офицерам, вызван и допрошен главным командующий В. В. Фермор¹⁴⁷, а затем отдельно и его капеллан, пруссак Христиан Теге¹⁴⁸. К этим разбирательствам примыкает дело бригадира Михаила Стоянова, включающее обширные допросные тексты¹⁴⁹. А также более мелкие военно-судные дела, касающиеся беспорядков во время «смятения», «порубления» офицеров, разграбления экипажей и обоза¹⁵⁰.

Однако и в Пруссии обстоятельства битвы привлекали к себе не меньшее внимание, от разбирательств по поводу ненадлежащего поведения на поле битвы прусских полков¹⁵¹ до сви-

¹⁴⁴ Киреевский 1872, 100.

¹⁴⁵ Болотов I, 797.

¹⁴⁶ Дело хранится в Архиве ВИМАИВИВС, см.: Бранденбург 1898–99; Оточкин 1999; Оточкин 2016.

¹⁴⁷ Костюрин 1759; Яковлев 1998.

¹⁴⁸ Теге 1865, 1114 et passim.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Ч. 3 (5). Л. 283–289; Ч. 4 (3). Л. 180–182. Дело описано Соловьевым, 1054–1055.

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1665. Ч. I (2). Л. 108.

¹⁵¹ См. переписку об отставке из-за поведения в Цорндорфском сражении ген. Карла Фридриха фон Рауттера (I. NA Rep. 96, Nr. 89 C с 3).

детельств местных хроникеров и бесчисленных попыток историков и любителей восстановить детальный ход сражения.

И все-таки даже в сопоставлении всех этих свидетельств из пыли и дыма, вот уже 260 лет густой пеленой окутывающих Цорндорфские поля, по-прежнему проступают не всегда ясные контуры. Установить, «как было на самом деле», вряд ли получится. Но это и не требуется. Подобно современному фильму с множественным выбором финалов, каждая из «своих» битв имеет право на существование, и наш корпус писем вливается в это море текстов.

Итак:

Идет 1758 год. «От рождения Ея Императорского Величества» и «от победы, полученная под Полтавою» же 49-й, как многозначительно сообщает календарь¹⁵². Для нас важнее, что это третий, а для России второй (считая с вступления ее в боевые действия в июне 1757 г.) год «от зачатия Прусской войны». Она же – «Третья силезская» или «Прусско-австрийская» в немецких землях, «Померанская» в Швеции, «Франко-индейская» и «Завоевательная» в Новом Свете, «Третья Карнатикская» в Индии. И уже по одному этому разнообразию названий можно судить о масштабе войны, известной потомкам как «Семилетняя».

Российская империя на этот момент довольствуется пусть широким, но все еще окном в Европу. На юге она по-прежнему отрезана от моря. Ее западные границы проходят по линии Киев – Смоленск – Рига, вдоль Западной Двины и Днепра. Между Пруссией и Россией еще лежит обширная Польша, разделяющая также владения прусского короля на Балтийском побережье с анклавом в Восточной Пруссии. У нас нет с пруссаками реальных долгосрочных противоречий, в отличие от Франции и Швеции, с которыми Россия состоит на этой войне в скорее случайном союзе. Наш интерес «воевать Фридрика» более умозрительный. Лишь недавно растолкав всех локтями и усевшись за столом великих держав, мы намерены вытеснить с него следующего парвеню, который только что унизил Австрию, усилив свое Прусское королевство присоединением богатой Силезии. Многократно воспроизводимая цель – «сократить короля Прусского», «который столь умножил военную силу и мечтает стать владыкой Севера», чтобы сделать его «нестрашным и незаботным» «для здешней Империи» – что должно подтвердить нашу «инфлюенцию» в европейских делах¹⁵³.

Праздничный фейерверк на новый 1758 г. в Петербурге обещает, что «российская Минерва» «усугубит свои удары» против «новых титанов», и «воссияет всеобщая тишина с вечным благодарением Европы»¹⁵⁴. Пока же, несмотря на одержанную под Гросс-Егерсдорфом победу над пруссаками, поход 1757 г. по Восточной Пруссии под командованием Степана Федоровича Апраксина результатов не принес. После хаотического отступления российская Заграничная армия находится в жалком состоянии, и пруссаки не верят в возможность ее скорой мобилизации¹⁵⁵.

Зря. Уже в январе 1758 г., как только более или менее установилась зима (хотя и без снега, что сильно осложняет дело), русские вновь выступают в поход уже под начальством Вилима Вилимовича (Уильяма) Фермора¹⁵⁶. В новеньких душегрейках под кафтаны и рукавицах, выправленных на пожалованные императрицей деньги (по рублю каждому – и как тут не оценить истинно «матернее усердие» Елисавет Петровны: надень варежки, замерзнешь)¹⁵⁷. Акция, заметим, вовсе не спонтанная. Вроде бы далекая от военных дел императрица задолго

¹⁵² *Санктпетербургский календарь 1758 года*, без пагинации.

¹⁵³ АКВ III, 206, 232, 380, 537; АКВ VII, 537–538. «...» gegen so gefährlichen Nachbarn, welcher im Norden den Meister spielen will» (имп. Мария Терезия – М. Эстерхази, Вена 17.07.1756 // *Volz, Küntzel* 1899, 475).

¹⁵⁴ См.: *Костин А.* Зачем жгли фейерверки в XVIII веке (<http://arzamas.academy/materials/1196>, посл. обращение 09.09.2017).

¹⁵⁵ *Generalstab* 1910, 2–3.

¹⁵⁶ См. подробно о нем: Действующие лица.

¹⁵⁷ АКВ III, 456; *Масловский I*, 208–209 второй пагинации.

до того рассчитывала привлечь «генерала мороза», замечая: «Тогда как прусские войска <...> в их коротких кафтанах не могут выносить холода, с [моими] можно действовать и зимой», даже «с особенным оживлением (*besonders vergnüglich*) высказывалась по поводу зимних операций»¹⁵⁸.

Занятый на юге борьбой с «цесарцами», Фридрих II не в состоянии противодействовать русским, а оставленный на «восточном фронте» корпус блокирует наступление шведов с севера около Штральзунда. 22 января 1758 г. русские беспрепятственно занимают Кенигсберг, а затем и всю Восточную Пруссию.

Первоначальный план предстоящей летней кампании был разработан в Петербурге Конференцией при Высочайшем дворе¹⁵⁹. Он предусматривал сосредоточение Главной армии на польском правом берегу Вислы в ожидании Обсервационного корпуса. Это отдельное новое формирование, фактически армия в армии – творение и любимое детище гр. П. И. Шувалова, созданное специально ввиду Прусской войны. Корпусом на тот момент командовал Джордж (Юрий, Георг) Броун¹⁶⁰. Фермору предлагалось послать отряд в Померанию, отвлекая пруссаков там, договориться с польскими магнатами о создании магазинов для русской армии на западных территориях Польши, а после того главным силам в координации с Броуном «с крайней поспешностью» идти в направлении на Берлин и занять ключевую крепость Кюстрин, сделав ее главным лагерем российской армии. Овладение Кюстрином должно было отрезать померанский корпус пруссаков и стать желательным финалом кампании на этот год, избегая при этом по возможности генеральной баталии.

Вопреки господствовавшему у русских военных историков мнению, Придворная конференция отнюдь не связывала командующего по рукам и ногам. Скорее наоборот: «Без получения особого приказа Фермор ничего не предпримет, дожидаясь сперва повеления от своего двора»¹⁶¹. Тогда как Петербург как раз тактично сообщал Фермору при доведении общего плана, «что не будучи с вами на месте, не можем давать вам на все литеральных предписаний»¹⁶².

С началом навигации армия получает амуниционное и мундирное довольствие, восполняет недостаток в людях и в лошадях. «Приблизилась весна <...> Солдат чистил ружье, офицер расплачивался по счетам и снаряжал экипаж. Все готовилось, ожидая приказа к выступлению»¹⁶³. С первой половины мая, «как скоро трава показалась», русские начинают пересекать Вислу сначала отдельными отрядами, а затем, уже в начале июня, выступает вся армия. Следуя далее по нейтральной Польше через Познань, она – вопреки плану Конференции, очень и очень неспешно, постоянно поджидая отстающий Обсервационный корпус, – доходит к августу до Одера на расстояние 80 км перед Берлином, занимая так называемую Новую Марку (Ноймарк, Новая Мархия) в Бранденбурге. Ее даже успевают окрестить «российской Новой Маркой» (*Rußisch-Neumark*, № 115). Разъезды доносят, что дороги на Франкфурт-на-Одере

¹⁵⁸ М. Эстергази – В. А. Кауницу, СПб. 14.09.1756 // *Volz, Küntzel* 1899, 581.

¹⁵⁹ Конференция при дворе Е. И. В. (1756–1762) – высшее государственное учреждение с совещательными функциями без четко определенных полномочий. В ее ведении были подготовка, планирование и координация военных действий РИА в Семилетней войне.

¹⁶⁰ Об Обсервационном корпусе (1756–1760): *Оточкин* 2012, *Татарников*, Обсервационный корпус. В документах назывался «О(А)бсервационный, Новый, Новоформированный, Резервный корпус», в отличие от основной, «Главной армии». В российских и прусских источниках также встречается его обозначение как «Легион» (*Dohna* 1783, 12). О Броуне см.: Действующие лица.

¹⁶¹ «Der General Fermor wird ohne Einholung besonderer Befehle in keiner einstigen Sache etwas thun, ums dahero auch hierfalls erst die Ordre von seinem Hof abwarthen» (М. Эстергази – В. А. Кауницу, Стрельна август 1758 г. // *OeStA. NHStA StAbt Russland II* 40. Bl. 89 RS).

¹⁶² Протокол Е. И. В. Конференции № 143 от 26.03/06.04.1758 (*Коробков* 1948, 245–252); рескрипт Конференции Фермору от 08/19.08.1758 (*Масловский II*, 314 второй пагинации).

¹⁶³ *Tege* 1864, 1136.

и крепость Глогау свободны. Но Фермор выжидает, ограничиваясь захватом моста через Одер в Шведте.

Стратегия русских заключается в том, чтобы сохранить за своим театром военных действий второстепенную роль, обеспечив вдоль Балтийского побережья зону влияния России, а при удачном исходе и включив в нее новые территории. Которые в идеале, через договоренности с Польшей, могут помочь расширить присутствие империи на Балтике на севере, и даже «почти всю левантскую коммерцию в здешних руках иметь» на юге¹⁶⁴.

Российская Заграничная армия расценивалась в Европе как вспомогательный корпус (*Russische Hilfsarmee* или *Auxiliararmee*)¹⁶⁵ в австро-прусском противостоянии. Так видят начало войны и сами офицеры РИА: «объявлена от двора российского война, в цесарскую помощь, против прусской армии»¹⁶⁶. Ко второй кампании, однако, акценты сдвигаются: армия видится воюющей «малой кровью на чужой территории» за собственные интересы¹⁶⁷. Занятие Восточной Пруссии в начале кампании и удержание ее за собой идеально отвечает таким представлениям, и генерал-аншеф явно хочет продолжать в таком же духе. Принятое на военном совете в июне 1758 г. решение не идти на юг к Франкфурту-на-Одере, а занять территории к северу Фермор обосновывает возможностью воевать «без супротивления и пролития человеческой крови». Зная, как известия о военных потерях действуют на «всеми образами щадящую кровь своих подданных Государыню» (№ 3)¹⁶⁸, Фермор просит заступления перед теми, «которые только одну баталию на уме имеют, не взирая на дальнейшие следствия». Защищенный с юга Вартой, а с запада Одером, он собирается ждать, заключая недвусмысленно: «Как бы дело между Цесарской и Прусской армиями не решилось»¹⁶⁹.

Однако пассивность генерал-аншефа заходит слишком далеко даже для осторожного Воронцова. Вена во что бы то ни стало хочет видеть армию Фермора перешедшей Одер, действуя дальше вместе с фельдмаршалом Дауном, и через своего посланника Эстерхази методично давит на вице-канцлера. Воронцов закликает командующего – для большей доходчивости, на немецком: «Jetzt ist jede Stunde, jedes Augenblick kostbar. Die bis hier über den Feind erhaltene Vortheile sind nur in so weit beträchtlich, als sie den Weg zu einer complete[n] Victorie bahnen. Ein glückliches Treffen kann also allem Unruhen, in welchen man hier ohne Unterlass findet, ein Ende machen . . .»¹⁷⁰. Однако, когда письмо достигает адресата, все уже коренным образом поменялось.

Форишпиль

Непосредственная цепь событий, приведшая две армии в Цорндорф, начинается с разгромом австрийцами прусского обоза в конце июня 1758 г. под Ольмюцем (Оломоуц) в Моравии. Еще непосредственно перед тем гр. Дона, командующий Померанским корпусом про-

¹⁶⁴ Коробков 1948, 27 (Протокол Конференции от 15/26.05.1756).

¹⁶⁵ Kurze Begebenheiten in Deutschland [...] mit unpartheyischer Feder entworfen, von I. A. Rizzi-Zannoni. Nürnberg 1758, 98. См.: ОeStA. KA FA AFA HR Akten 664.

¹⁶⁶ Лукин 1865, 906.

¹⁶⁷ «Обратить операции нашей армии, по примеру Французскому, в особливую сторону и работать на себя» (М. И. Воронцов – В. В. Фермору, СПб. 25.06/06.07.1759 // АКВ VI, 355).

¹⁶⁸ Catherine II 1859, 298.

¹⁶⁹ В. В. Фермор – М. И. Воронцову, Кенигсвальде 23.07./03.08.1758 // АКВ VI, 342.

¹⁷⁰ «Теперь дорог каждый час, каждое мгновение. Достигнутые над неприятелем аванжажи весомы только в той степени, что прокладывают дорогу к совершенной виктории. Счастливая акция может положить конец всяким беспокойствам, в которых тут пребывают непрерывно» (пер. с нем., М. И. Воронцов – В. В. Фермору, [СПб.] 01/12.08.1758 // Там же, 351). О том, что это письмо написано по просьбе Вены: М. Эстерхази – В. А. Кауницу, СПб. 05.09.1758 // ОeStA. HHStA StAbt Russland II 40. Bl. 113RS.

тив шведов и русских, был извещен, что ему не следует ждать никакой помощи от короля¹⁷¹. Однако теперь пруссаки вынуждены снять осаду австрийской крепости и отступить через горы обратно на север в Силезию. Наступает момент затишья, и Фридрих II решает наконец самолично «похристосываться с русскими»¹⁷².

Между тем казаки с калмыками, держась за хвост своих лошадей, уже переплывают за Одер и показываются на его западном берегу¹⁷³. Прусскую столицу в страхе перед нашествием московитов начинают покидать знатные семьи, магазины и казну грузят на барки. В королевском замке в Берлине пакут подводы в ожидании эвакуации в Магдебург¹⁷⁴.

13 августа русская армия вплотную подходит к Кюстрину, защищавшему подступы к столице и движение по Одере. Пообедав в окрестностях, генералитет с Фермором и волонтерами скачет на рекогносцировку (см. № 56). Рано утром 15 августа начинаются перестрелки вокруг крепости. Русским с ходу удается отогнать прикрытие и занять форштадты, однако ворваться в саму крепость с ходу они не смогли и без подготовки начинают с лежащих через болота вышешностей ее обстрел.

Один из первых же выстрелов попадает в громадный армейский сенной сарай, и через пару часов уже полыхает весь старый город внутри стен, тесно застроенный деревянными фахверковыми строениями. «Приготовления [в крепости] были сделаны из рук вон плохо: картузы и ядра не подходили к пушкам. Артиллеристов не было, их прислали из армии лишь в ночь, когда неприятель начал бомбардировку»¹⁷⁵.

Возведенная в XVI–XVII вв. на острове при слиянии Одера и Варты, крепость считалась одной из наиболее мощных в Пруссии и в немецких землях вообще¹⁷⁶. Здесь когда-то останавливался на пути из Кенигсберга в Голландию Петр I. Здесь юным кронпринцем Фридрих II присутствовал при казни своего друга фон Катте, а затем почти два года провел в крепости сам, осужденный своим отцом за попытку бегства из-под его власти. Прусский король, как и все остальные, уверен, что «Küstrin n'a rien à craindre; dès que l'on rompt les ponts, aucune bombe n'y peut atteindre»¹⁷⁷. Так что случившаяся катастрофа означает и его личный просчет. В Петербурге сожжение крепости празднуют как крупную победу. «Ундер офицерам и рядовым армейской артиллерийской и инженерной команд» жалуют первым по два, а последним по одному рублю. Офицер же орудийного расчета, выпустившего «счастливый» снаряд, получает годовое жалованье «не в зачет»¹⁷⁸.

В Кюстринском пожаре гибнут сотни тысяч шefeldей муки и прочего провианта в армейских магазинах, местные и привезенные из Кенигсберга архивы, а также спрятанные под защиту крепостных стен ценности местных элит. Гарнизонные солдаты и содержавшиеся здесь пленные под видом борьбы с пожаром ломают крыши и двери, а затем преспокойно продают награбленное. Жар настолько силен, что в арсенале плавятся пушки и выгорают деревянные быки моста, находившиеся в воде¹⁷⁹.

¹⁷¹ *Dohna* 1783, 11, 15.

¹⁷² Как он выражался, узнав об обычае троекратного целования русских на Пасху (*Масловский* II, 175 второй пагинации).

¹⁷³ *Коробков* 1948, 328; *Seidel* 1889, 72, 74.

¹⁷⁴ Л. Эйлер – П. Л. М. де Мопергюи, Берлин, 16.09.1758 // *Leonhardt Euler*. Opera Omnia. Series Quarta A: Commercium Epistolicum: Vol. VI. Basel 1986, 242 (ссылкой на это издание я обязан И. И. Ефишову, Калининград); Репорт комиссара Брацишевского В. В. Фермору от 07/18.07.1758 (*Коробков* 1948, 300); *Dohna* 1783, 17.

¹⁷⁵ Аноним [прусская офицер корпуса гр. Дона]. Лагерь при Блейене 19.08.1758 // OeStA. KA. FA. AFA. HR. Akten 664. Bl. 8; *Bratring F. W. A.* Statistisch-topographische Beschreibung der gesammten Mark Brandenburg. Bd. 3. Berlin 1809, 94.

¹⁷⁶ *Podrucznu* 2013. Подробно об осаде Кюстрина: *Ehrhardt* 1769; *Ласковский* 1865, 492–513, краткое современное изложение: *Аншимов* 2016, 111–116.

¹⁷⁷ «Кюстрину бояться нечего: как только разрушат мосты, ни одна бомба в него попасть не сможет» (Фридрих II – гр. Дона, Хайнцендорф 13.08.1758 // *PC XVII*, № 10206).

¹⁷⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. 114. Ч. 3 (4). Л. 255 (реляция Фермора от 31.08/11.09.1758).

¹⁷⁹ *Seyffert* 1801, 113–114; *Neudammer Magistrat* 195; *Ehrhardt* 1769, 79.

Русские «через тот пожар имели некоторую надежду» на сдачу крепости¹⁸⁰. Однако в отсутствие осадных орудий и при недостатке боеприпасов (неприятельские ядра велено покупать по 3 копейки за штуку) огневой мощи хватило только на устроенный фейерверк, но причинить существенного вреда собственно оборонительным сооружениям крепости русская артиллерия не могла¹⁸¹. Как свидетельствует парламентар, поручик Карл Отто фон Штакельберг (см. № 97), 17 августа 1758 г. после пожара крепости

Я был послан с трубачом потребовать сдачи города, после того как посылали двух других офицеров, и они вернулись с известием, что не могли попасть внутрь. Меня благополучно впустили, и я выполнил свое поручение. Меня очень учтиво приняли комендант (полковник фон Шак (Шак фон Вутенов). – Д. С.) и все находившиеся там старшие и младшие офицеры, среди них генерал Платен-младший¹⁸², затем я благополучно вернулся назад – с ответом отрицательным¹⁸³.

Наступает момент неопределенности: в российской армии взвешиваются возможности организации правильной осады или движения главных сил к Берлину. Австриец Сент-Андре подает 22 августа Фермору «промеморию», в которой пишет, что осадить Кюстрин без осадных орудий бессмысленно, надо идти на север и соединиться со шведами. Впоследствии все, кому не лень, обвиняют Фермора в том, что тот не перешел вовремя Одер. Но и его преемники не желали лезть в осиное гнездо, рассуждая, что «по ту сторону Одера баталию давать опасно: в случае несчастья никакой верной ретреты (*retraite* – отступления. – Д. С.) нет»¹⁸⁴. В чем, однако, австриец был прав, так это в недопустимой раздробленности русских сил, что вскоре и подтвердилось: «Die ganze Armée mit Einbegrif des Observations Corps wäre meiner Meinung jederzeiten so zu stellen, daß selbe in einem forçirten Marsch sich conjungieren und einander secundiren könnte»¹⁸⁵.

Пока суд да дело, русские занимались в округе заготовкой сухарей и фуражированием, а принц Карл Саксонский, состоявший при армии Фермора, забавлялся стрельбой из арбалета по голубям и пороссятам (№ 115–116). Тем временем, получая все более грозные депеши с Одера, Фридрих II оставляет австрийцев на попечение своего младшего брата Генриха и стремительным двухнедельным маршем перебрасывает часть своих войск навстречу русским. Прусские войска проделывают в день (и/или ночь) в среднем по 25 км по дрянным дорогам – достижение выдающееся даже для последующих времен. Жара стоит такая, что конница вынуждена передвигаться только по ночам¹⁸⁶.

Срединная Пруссия столкнулась с непредвиденной войной на несколько фронтов, которая не позволяла прибегнуть к более безопасной и выигрышной для армий Старого режима

¹⁸⁰ Муравьев 1994, 43. На это же по получении известия о сожжении крепости надеялись и в Петербурге (М. Эстергази – В. А. Кауницу, Стрельна 29.08.1758 // OeStA. NHStA StAbt Russland II 40. Bl. 99).

¹⁸¹ Масловский II, 222. «При армии осадной артиллерии нет да и иначе оную получить как толко флотом через устье реки одера способа непредвидится» (Донесение в Конференцию о держанном в Мариенвердере 20 марта 1758 г. военном совете // РГВИА. Оп. 16. Д. 1663. Л. 167). В Конференции полагали, что единороги – орудия новой конструкции – станут заменой осадной артиллерии (Коробков 1948, 251), но из-за окружавших крепость болот удаление русских батарей от крепости было слишком велико.

¹⁸² Шеф 11 Драгунского полка (Jung-Platen) Леопольд Иоганн фон Платен (1726–1780) из подошедшего к тому моменту пополнения гарнизона от корпуса Дона.

¹⁸³ Карл Отто фон Штакельберг – Фридриху Конраду Гадебушу, Рига 1785 // *Archiv Stackelberg* II, 151.

¹⁸⁴ М. Н. Волконский – Д. М. Волкову, Познань 07.01.1761 // *АКВ* VI, 333.

¹⁸⁵ «Всю [Российскую] армию, включая Обсервационный корпус, по моему мнению следует всегда располагать таким образом, чтобы за один усиленный марш она могла объединиться и поддержать друг друга» (Промемория ген. Сент-Андре для российского генералитета, лагерь под Кюстрином 11/22.08.1758 // OeStA. KA FA AFA HR. 13. 7a).

¹⁸⁶ *Kalkreuth* 1839, 26 четвертой пагинации.

оборонительной стратегии¹⁸⁷. В первый, но не последний раз она пытается решить задачу методом блицкрига и выведения одного из противников – слабейшего, по тогдашнему мнению Фридриха – из борьбы. Конечная цель: «атаковать российскую армию и поразить ее настолько, чтобы нам не было более чего бояться с этой стороны»¹⁸⁸.

Вновь прибывшие с Фридрихом войска («силезские батальоны») соединяются 11 (22) августа 1758 г. в окрестностях Кюстрина с 18-тысячным померанским корпусом графа фон Дона. В сумме прусская армия располагает от 35 000 до 40 000 человек и порядка 200 орудий.

По мере приближения решительных событий нарастает концентрация «устной» истории – легенд Фридерисианы. В анналы попадает все больше поступков и фраз главного актера драмы, чаще придуманных или искаженных до неузнаваемости, но все-таки составляющих пласт нарратива, который нас занимает. Так, на смотре корпуса Дона король якобы язвительно роняет по адресу померанцев, в составе которых полки, разбитые русскими год назад в Восточной Пруссии: «С иголки (propre Leute)... Мои-то вон грязные черти (Grasteufel) – зато кусаются».

Здесь Фридрих впервые видит русских в лице захваченных его гусарами казаков, и пока это идеально отвечает его представлениям о неприятеле: «Смотрите, с каким сбродом мне тут приходится сражаться!» С варварами не церемонятся: «Одному [казачу] генерал выбил два зуба, другого еще один генерал избил за то, что тот не отдавал свой нательный крест»¹⁸⁹. Пленные калмыки служат в качестве сувениров: уже после Цорндорфа Фридрих послал пару таких, к примеру, в подарок принцу Фердинанду Брауншвейгскому¹⁹⁰.

Что с другой стороны сцены? Фермор уверен, что прусский король будет переправляться через Одер по существующим мостам – в Кюстрине, под защитой крепости, или ниже по течению в Шведте. Туда командующий российской армией отрядил отдельную дивизию под командованием П. А. Румянцева в 11 000 человек, одновременно и для поддержки коммуникации со шведами, которые действовали (вернее, *бездействовали*¹⁹¹) севернее. Для рекогносцировки и патрулирования территории между главной армией и Румянцевым на Одер отправлен отряд полковника Николая Хомутова. Разведывательные данные РИА получает помимо «фронтальной разведки» от сети конфиденентов, в основном поляков на прилегающих к Пруссии и собственно прусских территориях, связанных с дружественными Петербургу магнатами, а также католического духовенства, которое не жалуется Фридриха. Во главе русской резидентуры стоял настоятель аббатства на померанской границе Иосиф Лок, имевший свою сеть осведомителей¹⁹². В Заграничной армии его деятельность, вознаграждаемая, помимо золота, русскими соболями

¹⁸⁷ «Надо вести оборонительную войну, – да легко сказать, любезный маркиз! – писал Фридрих годом позже маркизу д'Аржану. – Я тут зажат в треугольнике: слева русские, справа Даун, за спиной шведы (...). Наоборот, до сих пор я держусь лишь тем, что атакую всех, кого можно» (цит. по: *Elze W. Friedrich der Große*. Berlin 1936, 195).

¹⁸⁸ «Pour attaquer l'armée russe et de la combattre de façon que nous n'aurons rien plus à appréhender de ce côté-là» (Фридрих II – принцу Генриху Прусскому, Вернерсдорф 08.08.1758 // *PC XVII*, N 10190).

¹⁸⁹ *Archenholz* 1788, 251; *Catt* 1884, 154, 357.

¹⁹⁰ Фридрих II – Фердинанду Брауншвейгскому, Блюмберг 01.09.1758 // *PC XVII*, N 10266. Впрочем, наряду с «арапчонком» калмык – вполне распространенный подарок: Джеймс Кейт, к примеру, в благодарность за подаренного «молодого негра» дарит своему брату Джорджу привезенных с Русско-турецкой войны «татарина Ибрагима» и «калмыка Степана» (*Varnhagen von Ense* 1844, 68). «Калмычонок» в дворянских домах самой России – свидетельство модного «ориентализма» XVIII в., см. картину «Калмычонок с собакой» (ГРМ, Ж-8905, 1790-е гг.).

¹⁹¹ *Доля* III, 42–57. Подробно о действиях шведов: *Sulicki* 1867.

¹⁹² Посланный с разведывательной миссией в Берлин летом 1758 г. поляк Брацишевский получает сведения от своего информатора-иезуита во время исповеди, а затем проникает вместе с ним в королевский замок (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Ч. 1. Д. 1663. Ч. II (1). Л. 22). Отступая из Ландсберга осенью 1758 г., РИА оставляет в городе на манер советского подполья завербованного поручиком Венцковским «итальянской нации купца, которой от магистратских того города чинов потому, что он католической веры, как он сам в бытность армии под Ландсбергом асесору Веселицкому признался, презираем и утесняем бывает». Купец «Конрад прозванием» получил от Веселицкого письмо на итальянском языке с гарантиями и инструкциями связываться с «гаубт-квартирой» через Иосифа Лока (Там же. Ч. II (2). Л. 333 об. – 334). О преследовании католиков Фридрихом II в отторгнутой от Габсбургов Силезии см.: *Хаванова* 2018, 190–202.

и даже церковными синекурами, курировали глава походной канцелярии по секретной части П. П. Веселицкий, затем С. В. Акчурин (№ 62, 84) и армейский обер-аудитор А. П. Устьянцов (№ 56)¹⁹³.

За два года, проведенных здесь насильно по воле отца, Фридрих II прекрасно изучил Кюстрин и его окрестности¹⁹⁴. Отлично знает местность и командующий прусской кавалерией Зейдлиц; он вырос в Шведте пажом при дворе местного «бешеного маркграфа» Фридриха Вильгельма (будущий прадедущка наших Александра I и Николая I), объезжая молодых лошадей и скача через крутящиеся мельничные крылья.

Пруссаки заблаговременно готовят средства для форсирования Одера: в камышах спрятаны собранные в окрестностях челноки, флигель-адъютант Шуленбург переправляет из Берлина материалы для моста по Фридрихсканалу, соединявшему с XVII в. Одер и Шпрее¹⁹⁵. Выбор переправы существенно облегчается тем, что Одер в это время резко обмелел (т. н. *Versommerung*)¹⁹⁶. Прусский король посылает 22 августа отряд с артиллерией в район Шаумбурга под Кюстрином (совр. Шумилово), который обстреливал противоположный берег, занятый русским отрядом, и своей активностью создавал видимость подготовки к переправе¹⁹⁷. Главная армия пруссаков разбивает тем временем лагерь возле Кюстрина. И хотя за этим прусским лагерем, как уверяет Фермор, «вседневно с высоких мест примечание было!»¹⁹⁸, а активность пруссаков вниз по Одери русские разъезды заметили, однако ночью движение главной армии явно проморгали¹⁹⁹.

По пробитии вечерней зори Фридрих неожиданно, в том числе для своих подчиненных, выступает в поход. Только что повалившихся на землю солдат будят пинками и строят в походные колонны. К 5 утра 23 августа ниже по течению в Гюстебизе, где Одер становится уже, «король Прусской по известному смелому проворству своему» совершенно незамеченным²⁰⁰ переправляется на восточный берег. Сначала на челнах, а потом по быстро наведенному мосту из медных понтонов, оставив на западном берегу тяжелый обоз. «Мой девиз – победить или умереть. Кто думает иначе, тому не сто́ит идти за Одер – пусть убирается ко всем чертям²⁰¹». И вот уже с той стороны «на пещаных горах по Одери пехота как муравьи вверх лезут, коих король купно с авангардиею на судах перевести велел, дабы сперва на вышних той стороны реки посты занять; а как мост поспел, то и армия перебралась оставляя багаж назад» (№ 113).

По тем же «пещаным горам» муравьями в обратном направлении к Берлину скатывался русский авангард в 1813 г., а потом в 1945 г. солдаты 1-го Белорусского фронта в боях за Кюстринский плацдарм. Паром ходит тут и сейчас. Так что место с точки зрения переправы, можно сказать, намоленное. Еще в июле 1758 г. на военном совете РИА было постановлено занять не только «чрез реку Одери мосты», но и «где берега к переходу способны»²⁰², каковых на заболоченном Одери совсем немного. И тем не менее утром 23 августа решительно никаких

¹⁹³ «Послал у нему (Локу. – Д. С.) для приласкания его три пары соболей», – сообщил Фермор в Петербург. Соболями, похоже, рассчитывался со своей резидентурой и сам аббат, который немного позже «просил приказать ему один соболей мех от 6. до 700 рублей выписать» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1663. Ч. 2. Л. 132–133, 192 об. – реляции от 31.08/11.09 и 08/19.09.1758). См.: *Соловьев*, 206.

¹⁹⁴ *Schaefer* 1870, 89.

¹⁹⁵ *Dohna* 1783, 33–34.

¹⁹⁶ Буквально: «облЕтение». См.: *Mitchell* II, 39.

¹⁹⁷ См.: N 1287, Вл. 62; *Муравьев* 1994, 44.

¹⁹⁸ *Яковлев* 1998, 88.

¹⁹⁹ Как ни пытается уверить в обратном *Масловский* II, 230–232.

²⁰⁰ См. оправдания в: *ЖВД*, 249; *Tempelhof* 1785, 221.

²⁰¹ Фридрих II – гр. Дона, Лигниц 12.08.1758 // *РС XVII*, N 10202.

²⁰² *Коробков* 1948, 322.

русских разъездов (*éclairieurs*) тут нет²⁰³. Единственные, кто встречает Фридриха на восточном берегу, – это его приятно удивленные подданные.

Опять рука с задней парты устной истории: Можно дальше? – Да, пожалуйста. Подданные окружают своего доброго короля, и рождается еще один сюжет Фридрицианы. «Дети мои, – говорит король, – я не мог прийти раньше, чтобы не приключилось этого несчастья. Но потерпите, уж мы им зададим». Появляется женщина, спрашивает, как там служит ее муж, унтер-офицер Биндар (Мюллер, Шмидт). «Ну как же, знаю старину Франца (Армина, Вольфганга) – здоров себе, здоров, матушка». Благодарные слезы орошают пески одерския, зане отец отечества оное спасе. Сцену заволакивают клубы пыли, поднятой армией. Король исчезает, чтобы появиться впоследствии на чувствительных гравюрах и литографиях.

Спасибо, садитесь. Возвращаемся обратно к событийной канве. После переправы прусские гусары перерезают коммуникацию между главной армией и дивизией Румянцева на севере. Посланный от Фермора курьер уже не смог к нему пробиться. Действие перемещается на время на дополнительную сцену, и начинается мутная история с графом Петром Александровичем. С одной стороны, он уже тогда слышет не только знающим, но и решительным генералом. С другой – Екатерина II в самом зените славы фельдмаршала не сдержалась от замечания, что Румянцев слышал-де цорндорфскую канонаду, но предпочел не вмешиваться, хотя его появление в тылу пруссаков могло бы решить дело в пользу русских²⁰⁴.

Позднее Румянцев строил свою защиту на утверждении, что узнал о происходящем с главной армией лишь в самый день битвы²⁰⁵. В реальности о переправе Фридриха ему стало известно от разведчиков полковника Хомутова, которые были отрезаны пруссаками от основных сил и вынуждены скакать к дивизии Румянцева. До самого Петра Александровича рапорт об этом дошел якобы только в полночь 14 (25) августа, то есть накануне битвы. Тогда как к главной армии, отстоящей ровно на том же расстоянии от места переправы пруссаков, те же известия поступили на два дня раньше. Вопрос не для школьников: с какой скоростью должен скакать русский разъезд, чтобы преодолеть 30 км за два дня? Так или иначе, посоветовавшись с состоявшим при нем генерал-квартирмейстером Штофельном²⁰⁶, Румянцев решил оставаться в своей главной квартире в местечке Хоэнкрениг (Hohenkränig) на правом берегу Одера, в 50 км от Цорндорфа, и удерживать занимаемый пост в Шведте²⁰⁷.

Со второй половины дня 14 (25) августа сюда стали поступать известия с места Цорндорфской битвы от бежавших иностранных волонтеров и русских. Они убеждали в полном разгроме главной армии. Возникает ощущение, что Петр Александрович, выжидая, чем кончится дело у Фермора, держал мост через Одер скорее для себя. В случае чего у него оставалось пространство для маневров – либо соединиться со шведами на севере, либо идти на восток к тыловому корпусу Резанова²⁰⁸.

Примыкающая к этим событиям переписка между Фермором и Румянцевым подчеркнута корректна. «Его рейсграфское сиятельство» ни единым словом Румянцева не обвинил. С другой стороны, непростые отношения между ними не были тайной²⁰⁹. При последующем разбирательстве Румянцев опасался «предосуждений» от «командующего генерала»²¹⁰, и не зря. Пусть и не из первых рук, появились прямые свидетельства об экивоках Румянцева. Бри-

²⁰³ *Kalkreuth* 1838, 28 четвертой пагинации.

²⁰⁴ *Catherine II* 1859, 297.

²⁰⁵ П. А. Румянцев – И. И. Шувалову, Ландсберг 31.08.1758 // *Шувалов* 1872, 512; *Принц Карл*, 116; *Яковлев* 1998, 90.

²⁰⁶ Штофель(н) Христофор Федорович (1720–1770) – инженер-полковник (1756), генерал-квартирмейстер (1757).

²⁰⁷ *Масловский* II, 211–214 второй пагинации. Масловский публикует комментарии Фермора на рапорт Румянцева, опущенные позднее советскими издателями (*Румянцев* 1953, 181 et passim).

²⁰⁸ Резанов, Гавриил Андреевич – в 1758 г. генерал-майор, генерал-поручик, командующий тыловым корпусом РИА.

²⁰⁹ *Косторин* 1759, 357; *Schaefer* 1870, 101.

²¹⁰ П. А. Румянцев – И. И. Шувалову, Ландсберг 31.08.1758 // *Шувалов* 1872, 512–513.

гадир Михаил Стоянов в показаниях осени 1758 г. передавал слова казацкого полковника Дячкина из отряда Румянцева: «Мы де слышали, как у вас (в главной армии. – Д. С.) не только ис пушек, но из мелкого ружья стрельбу, и мы де просились у Румянцева, только он нас не пустил». И даже якобы приказал следовать «еще далее от армии»²¹¹.

Личный проповедник Фермора Христиан Теге, по его словам, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость весной 1759 г. после того, как Фермор «жаловался в Петербурге на одного знатного русского генерала, что он не подал ему условленной помощи». После чего-де «знатный генерал», мать которого имела влияние при дворе, обвинил Фермора, а заодно и Теге в измене²¹². Предположение вполне достоверное. И вряд ли случайно, что с началом следующей кампании Фермор, тогда еще главнокомандующий, оставил этого «знатного русского генерала» прозябать в тылу²¹³.

Как бы то ни было, при многократном превосходстве сил будущий герой Ларги и Кагула не смог или не захотел захватить в самый день баталии хотя бы наведенную пруссаками переправу через Одер. Против посланной Румянцевым уже под вечер, в пятом часу пополудни, якобы «сильной партии» бригадира Берга²¹⁴ ее защищал один вспомогательный вольный полк под командованием шведа Хордта (Гордта), состоявший из всякого сброда: бывших осужденных, австрийских и шведских пленных, только что прибывших рекрутов. Гордт писал в своих мемуарах, что во время этого боя «мы слышали каждый пушечный залп» близкой баталии, чем-де и воспользовался, чтобы успешно сымитировать подошедшее от короля подкрепление²¹⁵. В результате посланный Румянцевым отряд отступил, пруссаки сохранили переправу и, главное, обеспечили перевозку тяжелого обоза с амуницией, без которого они были бы после баталии в отчаянном положении.

Только 27 сентября, когда все было уже решено, Румянцев получил наконец от Фермора приказ соединиться с ним²¹⁶ и (довольно неспешно) ему последовал. Насколько нервной между тем была обстановка в третьей дивизии Румянцева, видно по следующему: после оставления ее главной квартиры пруссаки обнаружили бумаги и письма, в числе которых, на минуту, – секретные донесения польского конфидента, письмо «главе» русской резидентуры аббату Иосифу Локу, сведения о поставке провианта Заграничной армии польским магнатом Сулковским и фрагменты полковых журналов с паролями и лозунгами – брошенными в местной корчме! Счастье, что разодранные листки не попали к переводчикам и остались лежать в архиве мертвым грузом²¹⁷.

Пассивность демонстрировали и союзники: ни австрийский корпус под командованием бывшего лифляндца Эрнста Гидеона Лаудона, ни шведы, остановившиеся в 100 км от Одера, не предпринимали активных действий, предпочитая выжидать исхода столкновения²¹⁸.

В самой армии Фермора днем 23 августа появляется перебежчик-австриец – гусарский лейтенант фон Гайслер, лихой малый, переодетый прусским желтым гусаром полка Малаховского и незаметно присоединившийся к армии Фридриха на марше²¹⁹. Затем с прусскими

²¹¹ Яковлев 1998, 85.

²¹² Теге 1865, 1148–1149.

²¹³ Что Румянцев оценил как «персональное уничтожение» и «умерщвление для себя» (*Румянцев* 1953, 225).

²¹⁴ Берг, Густав Густавович (1716–1778) – бригадир (1756), генерал-майор (1759).

²¹⁵ *Tempelhof* 1785, 238; *Generalstab* 1910, 158. Накануне из полка Гордта дезертировало 700 австрийцев, т. е. половина полка. См. реляцию самого П. А. Румянцева о дезертирах из этого полка от 27.06.1758 (*Румянцев* 1953, 145–146). О бое: *Hordt* 1788, 192, 194–195; *Sulicki* 1867, 120–121.

²¹⁶ *Масловский* II, 211–214 второй пагинации.

²¹⁷ GSStA PK I. NA GR, Rep. 63, N 1446 (фрагменты бумаг, пересланные маркграфом Фридрихом Вильгельмом Бранденбург-Шведтским).

²¹⁸ *Mitchell* I, 438–439; «Фермор был предоставлен сам себе» (*Generalstab* 1910, 113, 117).

²¹⁹ В. А. Кауниц – Г. А. фон Штарембергу и М. Эстерхази, Вена 08.09.1758. Этот Гайслер затем участвовал в Цорндорфской баталии, отвез реляцию о ней в Вену, пожалован Марией Терезией чином ротмистра и 200 дукатами (*Arneht* 1875, 532;

разъездами гусар Малаховского сталкиваются и казаки, уверяясь, что имеют дело не с разрозненными всадниками, а с авангардом следующей за ними прусской армии (№ 112). К исходу дня 23 августа Фермор доподлинно извещается о том, что Фридрих со всей армией движется на него с севера. На рассвете следующего дня русские спешно покидают свой основной лагерь в лесах под Кюстрином (выбираются «из этой дыры», фыркает в своей реляции представитель австрийцев Сент-Андре)²²⁰ и маршируют «на чистые места». В отсутствие трети армии Фермор несомненно желал бы от баталии уклониться, как и рекомендовала петербургская Конференция в таких случаях, но его визави «никакова способу» к этому не оставляет²²¹.

Первоначально предполагалось, что российская армия примет бой в районе Каммина. Здесь был оборудованный укрепленный лагерь, за которым находилась цепь возвышенностей, окруженных флешами и редутами со рвами²²². Утром 24-го туда прискакали волонтеры и принц Карл со своей свитой, ожидая Фермора со всей армией. Однако тогда же, рано утром 24 августа, прямо на марше российский главнокомандующий меняет свое решение. Иностранцы в бешенстве, возникает перепалка на повышенных тонах, переданная в отчете Сент-Андре в Вену²²³. «Временами можно и соврать, – огрызается Фермор в ответ на их обвинения. – Благодарю Бога, что я не полез в эту западню!»

Что именно происходило в голове Вилима Вилимовича, до конца остается неясным. По единодушному мнению, в том числе и непредвзятых наблюдателей, укрепленная позиция у Каммина была более приспособлена для отражения атаки пруссаков²²⁴. Фермор в ответ на опросные пункты последующего расследования Конференции туманно пишет: «Для баталии местоположение при Каммине, по собственному моему осмотру, как к Кистрину следовали, неудобно, что одна гора другую пушечною пальбою командует». Другие объяснения более правдоподобны: во-первых, армия, пройдя 6 миль от Кюстрина, «от жаров утомилась», и Фермор предпочел остаться ближе к воде и лесу, не доходя до открытой равнины вокруг деревни Цорндорф. Остановившись там временно до подхода Обсервационного корпуса и дивизии Румянцева, тем более что неприятеля пока не было видно. А во-вторых, «дабы не подать солдатству повод, что не видя еще неприятеля, тем же путем, которым пришли, ретируемся»²²⁵. Конференция, заседавшая за своим малинового бархату с позументом столом в полутора тысячах километров от места баталии, похоже, не стала настаивать и сочла позицию при Цорндорфе выбранной «в принужденном состоянии»²²⁶.

В конечном итоге Фермор посылает в район Каммина большой обоз под начальством генерала Леонтия Михайловича Карабанова под прикрытием сборной команды от 4 000 до 6 000 человек гренадеров с 6 орудиями. Остальная же армия 24 августа после марша останавливается на равнине, пересеченной несколькими лощинами, с небольшим леском посередине и песчаными возвышениями, между хутором (амтом) Квартшен (*Quartschen*) с двумя большими овчарнями и старинной капеллой тамплиеров, деревьями Цихер (*Zicher*) и Цорндорф (*Zorndorf*). Через Цорндорф проходила дорога из Кюстрина к Ландсбергу, часть бывшей *Via Regia*, позднее «Рейхсштрассе № 1» соединявшая воедино Германию от Ахена до Эйдткунена через Берлин. Так что армии всех войн, двигавшиеся между востоком и западом, рано или поздно проходили тут.

Муравьев 1994, 44).

²²⁰ Frisch 1919, 111.

²²¹ Яковлев 1998, 92.

²²² Эндрю Митчелл – графу Холдернессу, Блумберг 01.09.1758 // Mitchell I, 441.

²²³ Frisch 1919, 111; Hartmann 1985, 176; Принц Карл, 117.

²²⁴ Mitchell I, 441.

²²⁵ Яковлев 1998, 90. Последнее вполне возможно, ибо Фермор ясно представлял себе последствия беспричинного отступления, как у Апраксина в предыдущем году.

²²⁶ Масловский II, 228 второй пагинации; АКВ III, 559.

От приближающегося с севера неприятеля российскую армию отделял ручей (заболоченный правый приток Одера) Митцель (Mietzel) – «небольшой, но очень глубокий»²²⁷. После полудня к армии присоединяется измученный маршами Обсервационный корпус²²⁸. Здесь солдатам дают краткий отдых, а затем, уже вечером, в количестве, по разным данным, от 45 000 до 60 000 человек²²⁹ армия стала в ордер баталии.

Что она собой на этот момент представляет?

Цорндорфское сражение продемонстрировало уязвимость непропорционального развития родов войск в России. Пехота РИА превосходит пруссаков по общей численности, не уступая в боевых качествах. Наблюдатели отмечают: русская «пехота, особенно гренадеры, состоит из людей рослых и выносливых, привыкших к слепому послушанию»²³⁰. Однако русские сильно уступали в количестве и качестве кавалерии, особенно тяжелой²³¹. Свидетельства единодушны в низкой оценке русских лошадей, малорослых и слабосильных²³², – что особенно сказывалось на тяжелой коннице. Невысоко оценивались и боевые качества кавалеристов, прежде всего по недостатку «регулярства» и боевого опыта. «Die Gußaren und Cosaken aber seynd eine Pestilenz bey der Armée»²³³. Российские гусары времен Прусской войны, среди которых «было очень много венгерцев и прочих иностранцев»²³⁴, описываются так:

Афицеры тоже от фрунта и от мест своих отлучаютца, ездят по сторонам с сабакамы, кричат и тровут (травят. – Д. С.) зайцов и то нет ничего (ничего им не бывает. – Д. С.). Гусар ежелы во фрунте пьян и валяетца с лошади илы разстрепан и неопрятен то также невзискуетца, и чем был гусар грубее в речах и всегда на пьяную руку отвечал, тем болше почиталсе храбрее²³⁵.

В начале весны 1758 г. австрийцы даже направили для усиления армии Фермора «саксонско-польский кавалерийский корпус», однако из-за внезапного для цесарцев выступления Фридриха II их повернули с полпути из Кракова²³⁶.

О плюсах и минусах иррегулярной конницы в РИА в изобилии писали и враги, и союзники русских. Очевидный негативный эффект, который грабежи и бесчинства казаков с калмыками имели для положения армии в завоеванных землях и в пропагандистской войне, уравновешивался тем, что благодаря им движения русских были практически непроницаемы для неприятеля. «Совершенно невозможно было, – пишет, к примеру, в своем дневнике в июле 1758 г. гр. фон Дона, – найти кого-либо (в прусской армии. – Д. С.), кто мог вести разведку,

²²⁷ *Tagebuch eines preußischen Offiziers*, 371–372.

²²⁸ Яковлев 1998, 90.

²²⁹ Нижняя граница представляется более реалистичной. Немецкий Генеральный штаб насчитал 34 200 пехоты, 5000 регулярной и 3260 иррегулярной кавалерии, а также 1700 полевой артиллерии и инженеров. При армии находилось также более 5000 некомпобатантов. Не задействованными в баталии остались от 4 до 6000 человек прикрытия вагенбурга в Каммине, 11 000 из дивизии Румянцев и несколько мелких отрядов (*Generalstab* 1910, 463–464).

²³⁰ Die Infanterie «bestehet, besonders was die Grenadiers betrifft, aus höhe (sic!) und dauerhafter Mannschaft, und aus Leuthen von einem blinden Gehorsam» (Anmerkungen / «Замечания» Де Фине о состоянии РИА, ноябрь 1758 г. // OeStA. HHStA Kriegsakten 373–2. Karton 3, Bl. 33RS).

²³¹ Прусская армия, по тем же данным немецкого Генштаба, насчитывала почти 25 000 инфантерии, 10 500 кавалерии и 1125 артиллеристов (*Ibid.*, 461).

²³² См. подробный рассказ о поездке в том же 1758 г. серба Пишчевича, майора на русской службе (1731–1797), аж в Трансильванию для покупки заводных лошадей для дворцовых нужд (*Пишчевич* 1884).

²³³ «Гусары и казаки же – сушая моровая язва [Российской] армии» (Де Фине – В. А. Кауницу, Драмбург 24.10.1758 // OeStA. HHStA Kriegsakten 373–2. Karton 3, Bl. 17).

²³⁴ *Trützschler* 1838, 142.

²³⁵ *Пишчевич* 1884, 452. М. А. Муравьев о гусарах на предыдущей Русско-шведской войне: «на эдакое дело (разведку. – Д. С.) напиваютца для смелости допьяна» (*Муравьев* 1994, 15–16). Ср. выговор П. А. Румянцева полковнику Грузинского гусарского полка Амилохварову 1757 г. с перечнем нестроений (*Румянцев* 1953, 32–34).

²³⁶ *Salisch* 2009, 250; *Poniatowski* 1914, 239–240, 267. См.: *H. v. S. Das sächsisch-polnische Kavalleriekorps im österreichischen Solde // Jahrbücher für die deutsche Armee u. Marine. Bd. 1878, 36–59, 129–160, 237–278.*

добраться до неприятельского лагеря и составить полное представление о его настоящей позиции. Из-за множества иррегулярных войск до него (русского лагеря. – Д. С.) не смогли бы добраться и малые патрули». Имевшиеся в прусской армии гусары и немногочисленные босняки с подобными задачами не справлялись, и «синим» приходилось двигать крупные массы войск, производя своего рода разведку боем²³⁷.

Артиллерийско-инженерный корпус составлял элиту РИА. Артиллерию лелеет всеильный П. И. Шувалов («российска грудь, твои орудия, Шувалов» – М. В. Ломоносов), который не жалеет средств на ее модернизацию. Это должна быть своего рода тогдашняя «кузькина мать» империи, обеспечивающая «безопасность границ и приобретенную над соседями инфлюэнцию»²³⁸. «Как артиллерия главное оружие есть, – прямо писал П. И. Шувалов, – то не могут быть ограничены ни труд, ни попечение, прилагаемые для его благосостояния»²³⁹.

Артиллерия модна и у тогдашних военных стратегов в Европе, силой вещей привлекая наиболее образованных офицеров. Между прочим, к теоретическим расчетам баллистики приложил руку и уже знакомый нам Леонард Эйлер. Его сын Христофор «Леонтьевич» служил в Семилетнюю войну в прусской артиллерии, а затем при Екатерине II начальником Сестрорецкого завода изготовлял лафеты для русских орудий²⁴⁰. Опираясь на выросшее после Петра I поколение образованных профессиональных артиллеристов – таких, как Корнилий Богданович Бороздин, Матвей Григорьевич Мартынов, Михаил Васильевич Данилов²⁴¹, Каллистрат Львович Мусин-Пушкин, погибший при Цорндорфе, и др., – в первой половине 1750-х гг. П. И. Шувалов обновляет организационную и материальную часть артиллерии, реформирует артиллерийскую школу в Петербурге, вводит новые типы орудий.

Не все из «новоинвентованного» прижилось. «Секретные» или «шуваловские» гаубицы с дулами особой овальной формы для поражения картечью пехоты, а также «близнята» – дву- или многоствольные легкие орудия на одном лафете – не смогли себя зарекомендовать в ходе войны. Зато введенные тогда же «единороги», универсальное орудие, соединившее преимущества пушки и гаубицы, скобы на котором делались в форме единорогов из фамильного герба Шуваловых, надолго остались на вооружении РИА²⁴².

Новые гаубицы составили секретный Бомбардирский корпус под командованием упомянутого К. Л. Мусина-Пушкина. Расчеты этих орудий приносили особую присягу, а их статус был выше общеармейского: что-то вроде ракетных батарей «катюш» в Великую Отечественную. Именно они, надо думать, были прежде всего среди канониров, предпочитавших при Цорндорфе умирать вместе с орудиями²⁴³. Артиллерией Фермор полагал компенсировать слабые стороны российской армии в столкновении с Фридрихом, тем более, что она хорошо показала себя в предыдущем сражении при Гросс-Егерсдорфе.

Однако сказывается диспропорция в боевом опыте: к началу войны даже среди старших офицеров-артиллеристов РИА более половины, а среди младших и все 90 % были необстрелянными²⁴⁴. Русские расчеты считаются менее поворотливыми и меткими, чем пруссаки; да

²³⁷ *Dohna* 1783, 27. О босняках, в том числе их участии в кампании 1758 г.: *Genthe, Franz*. Die Bosniaken in der preussischen Armee. Ein Beitrag zur Geschichte der bosnischen Lanzenreiter in den Armeen fremder Mächte. Wien 1901, 176–178.

²³⁸ Всеподданейший доклад Придворной конференции 31.05.1756 // *Струков* 1902, 226.

²³⁹ Об учреждении артиллерийского банка (предложение П. И. Шувалова от 14/25.03.1760 // *В. к. Георгий Михайлович* 1896 I, 225. Об устройстве артиллерии при Шувалове см.: *Егоров В. И.* «По усмотрению генералов фельдцейхмейстеров» [...] // *Егоров* 2014, 115–123.

²⁴⁰ *Нилус* 1904, 267; *Эйлер А. А.* Записки // РА 1880. Кн. 2. Вып. 4, 333–399.

²⁴¹ См.: № 32–36 и Действующие лица, *Данилов* 1842.

²⁴² *Данилов* 1842, 81–82; см. в общем: *Нилус* 1904, 258–271; *Оточкин* 1999.

²⁴³ *Оточкин* 2015, 319.

²⁴⁴ *Пащута, Оточкин* 2013, 440.

и обученной obsługi элементарно не хватает²⁴⁵. У артиллерии РИА также проблемы с конной тягой, часто не хватает лошадей и ездовых. После Цорндорфской баталии из-за большого падежа оставшиеся орудия частично транспортировали вручную²⁴⁶.

Старые полки русской армии стали в несколько линий. По большинству свидетельств, в том числе по официальному плану, в две, хотя некоторые источники говорят о трех. Очевидно, подразумеваются резервы, поставленные между первой и второй линиями²⁴⁷. Пространство между первой и второй линиями составляло, если верить шведу Армфельту (№ 112), 2400 шагов, то есть порядка 1,8–2 км. Несколько полков были поставлены справа и слева на «боковых фасах», между двумя линиями перпендикулярно к ним, что придавало построению вид каре.

Кавалерия также располагалась на флангах, а часть ее и между линиями. Походный обоз с амуницией, экипажами офицеров и полевой кассой расположился в овраге Гальгенгрунд, «лощине висельников». В названии нет никакой мистики: рядом располагался холм, который служил местом казни еще накануне войны. Русские, сами того не подозревая, располагаются в зловещем месте прямо на костях, к которым вскоре добавятся новые²⁴⁸.

Первоначально крайними во фронте по обыкновению поставили самые надежные полки. Однако позднее прибытие Обсервационного корпуса все спутало. «Шуваловцы» встали под углом к линиям Главной армии, и в результате это крыло заняли хорошо экипированные, но уставшие с марша, необстрелянные и неслаженные полки²⁴⁹.

История баталии – история пространства и история в пространстве. Ее логика в значительной степени диктовалась данными местности, однако ландшафт, эта вроде бы золотая рыбка объективности, обманывает ожидания. И здесь применимы слова Томаса Карлейля о Кунерсдорфе: «Давешней арены событий более не существует; описания в старых книгах безнадежно неузнаваемы»²⁵⁰. Уже к середине XIX в. Теодор Фонтане писал в своих «Странствованиях по марке Бранденбург», что лощины Цабернгрунд и Гальгенгрунд на Цорндорфском поле, которые сыграли важную роль в драматургии баталии, сглажены и осушены. К началу XX в. немецкий Генштаб отмечал, что рельеф был ранее намного более «угловатый» (*kantiger*), а небольшой лесок Штейнбуш, также важный для понимания логики событий, сведен вовсе²⁵¹. Тем более это относится к ландшафту теперешней польской сельской глубинки после многолетней машинной обработки земель и ирригационных работ. Археологические исследования поля битвы подтверждают, как бережно его подчищали от всего, что представляло малейшую ценность, и насколько сильно сказалась на нем впоследствии сельскохозяйственная деятельность и «черная» археология²⁵².

При исторически существовавшем на середину XVIII в. ландшафте из-за пересеченного рельефа местности тут не могло быть правильного построения: две неровные линии и массы войск на боковых фасах создавали «своего рода вытянутый четырехугольник с ломаными линиями, вероятно, единственный в своем роде», как пишет более или менее беспристрастный очевидец²⁵³. Другое правдоподобное описание: «две вытянутые линии и две боковые, напоодо-

²⁴⁵ По итогам Цорндорфа П. И. Шувалов отмечал: «По причине недостаточного числа [...] артиллеристов [...] наша артиллерия до того доведена, что при побитии [их] не оставалось из ней кому стрелять» (*Масловский* II, 217 второй пагинации).

²⁴⁶ Убито более половины лошадей (*Бранденбург* 1898, 302).

²⁴⁷ По «Генеральной диспозиции» сражения (*Коробков* 1948, 311).

²⁴⁸ *Genesis M. Chwarszczany – Kriegsopfer oder Delinquent? Eine atypische Bestattung aus dem 18. Jh. // Auler J. (Hg.). Richtstättenarchäologie. Bd. III. Dormagen 2012, 58–65.*

²⁴⁹ Ср.: *Бобровский* 1892, 170.

²⁵⁰ *Carlyle Th. History of Frederick II. of Prussia called Frederick the Great. Vol. VII. L. 1898, 67.*

²⁵¹ *Fontane Th. Wanderungen durch die Mark Brandenburg. Bd. 2: Das Oderland. B. 1863, 64; Generalstab* 1910, 121–122.

²⁵² См.: *Karpiński, Wrzosek* 2013; *Podruczny, Wrzosek*, 2012.

²⁵³ *Tielke* 1776, 140.

бие прямоугольника»²⁵⁴. Сам Фермор описывал построение в линии, следующие рельефу с низменностями посередине: «Армия в ордер-де-баталии поставлена углом к завороту по положению места и облегающей высоты, ибо на расстоянии двух верст, аще в прямую линию поставить то многие б полки в лощинах свое место получить <...> могли»²⁵⁵.

Это построение русской армии традиционно трактовалось пруссаками как свидетельство отсталости и наследие русско-турецких войн. Что, в свою очередь, обусловило ревнивое внимание к вопросу русских историков. Очевидно, что вопрос того не стоит. Зависимость тактики от внешних условий и противника в РИА, воевавшей на разных границах обширной империи, несомненна – в том числе исходя из опыта последней перед Семилетней большой войны, Русско-шведской 1741–1743 гг.²⁵⁶ В армии никто не сомневался, что «нынешняя (Прусская. – Д. С.) кампания не мало с турецкими быть сравниваема не может»²⁵⁷. «Карей» (каре) или его подобие, там, где он все же применялся против пруссаков, свидетельствовал, как правило, либо об угрозе кавалерийской атаки, и/или о недостатках ориентирования на местности и организации военной разведки при невозможности определить, откуда ждать неприятеля. Именно так складывалась ситуация при Цорндорфе: заболоченная и лесистая местность существенно уменьшала возможности конной разведки, а легкой пехоты (егерей) у русских пока не было. Выбор à la каре позиции с защищенным тылом и флангами, подобной Цорндорфу, означал, что из возможных зол – неожиданности нападения неприятеля, высоких потерь из-за плотности боевых порядков или невозможности отступления – приоритетным считали первое²⁵⁸.

Между тем Фридрих, переправившись на восточный берег Одера, свободно мог напасть на русский вагенбург с тяжелым обозом у Каммина, после чего отступление русских стало бы неизбежным из-за недостатка снабжения. Ведь именно из-за перехвата австрийцами своего обоза сам Фридрих только что был вынужден снять осаду Ольмюца. Однако он настроен на уничтожение живой силы противника и «окончательное решение» вопроса с российской армией, по крайней мере в эту кампанию²⁵⁹. Зная о невозможности атаки на выбранных Фермором позициях, Фридрих совершает под прикрытием леса еще один блестящий маневр и вместо фронта РИА, как рассчитывал российский командующий, собирается зайти ей в тыл.

После небольшой перестрелки между казаками и гусарами ночью с 24-го на 25-е пруссаки располагаются по обоим берегам Митцеля (здесь русские не удосужились даже уничтожить мост через него). Враждующие армии отделены друг от друга всего лишь изрезанным тропинками лесом. Кавалерийский авангард пруссаков находится в 1000 шагах от боевых порядков РИА: «Из своего лагеря мы могли видеть их (русских. – Д. С.) бивачные огни»²⁶⁰.

В комнатке на Нойдаммской большой мельнице Фридрих беседует со своим постоянным спутником Анри де Каттом и, верный репутации короля-философа, правит неудачные места в стихотворении Жан-Жака Руссо. Позднейшим комментаторам это казалось манерной выдумкой, но на этот раз зря – правка сохранилась в бумагах короля²⁶¹. Собрав генералов, Фридрих оглашает громко диспозицию на завтрашний день: «Завтра, если Богу угодно, будет

²⁵⁴ Pauli VI, 56.

²⁵⁵ Яковлев 1998, 92.

²⁵⁶ Ср.: Шилевская Н. Описание войны между Россиею и Швециею в Финляндии в 1741, 1742 и 1743 годах. СПб. 1859. Общий принцип, изложенный позднее афористично Суворовым: «линией против регулярных; кареями против басурман». См. также *Generalstab* 1910, 466.

²⁵⁷ Масловский I, 268.

²⁵⁸ Ср.: Tielke 1776, 92–93.

²⁵⁹ Friedrich II, Guerre de Sept Ans, 307; Фридрих II – принцу Генриху Прусскому, 10.08.1758 // PC XVII, N 10198.

²⁶⁰ Hoppe 1793, 184; Kalkreuth 1839, 28 четвертой пагинации.

²⁶¹ Vers corrigés la veille de la bataille de Zorndorf, 24.08.1758 // GStA PK, BPH (Brandenburg-Preußisches Hausarchiv), Rep. 47 König Friedrich II. (M), F I B Spezialia 3,64; Wengen 1894, 163.

баталия». Затем вполголоса в сторону, командующему кавалерией Зейдлицу: «Это я для обозных (Packknechte)», – желая сохранить репутацию фаталиста и агностика²⁶².

Король пребывает в прекрасном настроении и, по всем свидетельствам, вполне уверен в совершенном успехе, хотя и оставил по обыкновению подробные указания на случай своей гибели в бою – в сем случае даже в двух экземплярах²⁶³. Ибо рациональный Фридрих хорошо знает о непредсказуемости баталии, существующей вне плоскости «века разума»: «Я устраиваю так, чтобы сбить неприятеля, не потеряв много людей; но <...> мелочь может поменять все»²⁶⁴. Война вообще существенно скорректирует его философию, и по мере ее продолжения Фридрих все чаще начинает говорить о роли случая и удачи²⁶⁵.

В ту же ночь всех горожан Нойдамма по приказу короля мобилизуют со своими лопатами и прочим шанцевым инструментом на постройку второго моста через Митцель²⁶⁶.

Предоставив полную инициативу противнику и свернув палатки, российская армия нервно ожидает в боевых порядках сюрпризов от своего визави за лесом²⁶⁷. Сакраментальный вопрос – о чем они думают? «Самая ясная полночь, какую я когда либо запомню, блистала над нами. Но зрелище чистого неба и ясных звезд не могло меня успокоить: я был полон страха и ожидания», – пишет взятый Фермором в Мариенвердере своим капелланом пастор Христиан Теге²⁶⁸. Потом, однако, «ослабев от душевного волнения, крепко заснул» и он. Как, уверен, большинство тех, кто мог себе это позволить. Как беззаботно спали, к примеру, и перед Бороудином. Люди эпохи были не столько сентименталисты, сколько фаталисты²⁶⁹. В *theatrum mundi* барокко смерть была законным и постоянно представленным на сцене действующим лицом. Для простых смертных возможная гибель нередко казалась избавлением от невыносимых тягот войны, вожделенным *покоем*²⁷⁰, «прирученной смертью» (*la mort apprivoisée*)²⁷¹. «Смерть свою за покой считают», – отзывается А. Т. Болотов негодуя о своих крестьянах²⁷². Но в том же духе пишет домой и молодой остзеец поручик Карл фон Кеттлер: «Mein Gott wen wird unser elendes Leben einmahl ein Ende haben!» («Бог мой, когда же закончится, наконец, наша жалкая жизнь!»), № 105).

Двумя полюсами на шкале отношения к смерти могут служить главные протагонисты Прусской войны: с одной стороны, философский стоицизм Фрица («Вы вечно, что ли, жить хотите?»), с другой – панический ужас Елизаветы Петровны перед кончиной, с ее известными запретами носить траур при дворе и устраивать погребальные процессии в центре столицы.

Честолюбивые и/или неимущие офицеры же, вполне можем предположить, потирали руки и строили планы, предвкушая производство на «упалые места».

В отличие от Федора Федоровича Вилиму Вилимовичу вряд ли до Руссо. Привыкнув командовать огромным и пока еще неповоротливым механизмом армии, отягощенной массой обозов, Фермор не мог себе представить таких экспромтов от противника. Изумление проскальзывает даже в его оправданиях перед Конференцией, когда Фермор пишет об «азартном неприятеле», «который своими поспешными движениями и королевским присутствием

²⁶² *Kalkreuth* 1839, 29 четвертой пагинации.

²⁶³ *Generalstab* 1910, 453.

²⁶⁴ *Catt* 1884, 357.

²⁶⁵ *РС* XVIII, N 10897, 11382.

²⁶⁶ *Neudammer Magistrat* 1926, 196.

²⁶⁷ *Tielke* 1776, 90

²⁶⁸ *Tege*, 1121–1122.

²⁶⁹ Ср.: *Berkovich* 2017, 226.

²⁷⁰ Ср.: *Мерле В.* (изд.) На войне под наполеоновским орлом: дневник и мемуары вюртембергского обер-лейтенанта Генриха фон Фосслера. М. 2017, 149.

²⁷¹ *Аръес Ф.* Человек перед лицом смерти. М. 1992, 7.

²⁷² *Смилянская* 1998, 42.

в своей земле почти невозможное возможным делает»²⁷³. Судя по всему, он вряд ли штудировал присланный в начале кампании союзниками-австрийцами мемуар о военном искусстве Фридриха и способах борьбы с ним²⁷⁴. Вообще в поведении Фермора в непосредственный канун битвы несомненно сказывается психологическое давление от необходимости сражаться с лучшим в Европе полководцем, как опять-таки полвека спустя в столкновениях с Наполеоном.

Ситуация на доске меняется резко не в пользу русских. Фридрих идет на сознательный риск, вклинившись между ними. Однако он достиг сразу нескольких целей, отрезав треть армии, дивизию Румянцева, от основных сил, – а с ним большую часть кавалерии. Он заставляет русских развернуть фронт на 180 градусов против первоначальной диспозиции. Полки второй линии оказываются в первой. Частично их успели поменять, но не все. В Обсервационном корпусе впереди оказываются теперь 4-й и 5-й Мушкетерские полки, тогда как более сильный Гренадерский во второй линии. Приходится перетаскивать и артиллерию, не везде поспевая к сроку.

Российская армия оказывается зажатой между лесами, болотами и ручьем Митцель, «имея перед собой два водоема и болота, не преодолимые иначе как вплавь»²⁷⁵. Скуденность в несколько линий на узком пространстве уменьшала русскую линию огня, и, наоборот, «почти ни одно прусское ядро не могло пролететь мимо»²⁷⁶. Равнина в этом месте, как говорилось, была разрезана тогда еще заросшими редким лесом и частью заболоченными лощинами. Они и небольшой лесной массив непосредственно перед русскими позициями со стороны Цорндорфа фактически разделяли поле битвы на части.

В выборе русской позиции, помимо большой спешки, если не сказать, паники, видны в целом недостатки квартирмейстерской работы²⁷⁷. Возможность обходного маневра пруссаков явно не учитывалась вообще; лесные пути, которыми армия Фридриха затем обходит русских, не разведаны. Хотя там достаточно узких мест, чтобы надолго задержать раздельно двигавшиеся прусские колонны²⁷⁸. Вот где сказывается отсутствие в русской армии егерских полков, которые наиболеегодились бы в подобной ситуации.

Очевидно невыгодной стороной стиля командования Фермора было то, что решения принимались им в этот момент единолично²⁷⁹. Вступает в силу вечный бич российской армии – дрязги в генералитете. О неприязни между Фермором и Румянцевым уже упоминалось, но еще более напряженные отношения сложились у аншефа с командующим Обсервационным корпусом Броуном. Весной 1758 г. тот жаловался на Фермора в Петербург и даже в сердцах подавал прошение, не желая быть под его командой. Императрице Елизавете Петровне пришлось лично замирать двух командующих, но, несмотря на формальное перемирие, трения оставались²⁸⁰. В то же время Фермор ценил в Броуне способного командующего, ибо

²⁷³ Яковлев 1998, 92.

²⁷⁴ Frisch 1919, 59.

²⁷⁵ Реляция барона Сент-Андре от 23–31.08.1758 (Frisch 1919, 111).

²⁷⁶ Tielke 1776, 140.

²⁷⁷ В отсутствие генерал-квартирмейстера Штофельна, командированного вместе с отрядом Румянцева, его задачи выполнял флигель-адъютант Фермора полковник Андрей Аврамович Ирман / Andreas Ihrmann (1724 – после 1779). Ирман явно имел некие доверительные отношения с Фермором: при отзыве главнокомандующего в Петербург он был выслан вперед, чтобы приготовить лошадей (ОеStA. HHStA. Kriegsakten 373–2, Bl. 12). Именно Ирмана принц Карл Саксонский считал ответственным за выбор неудачной позиции (Принц Карл, 123). Тем не менее после баталии тот был произведен в генерал-квартирмейстер-лейтенанты (Масловский II, 302 второй пагинации). Сам Фермор состоял генерал-квартирмейстером при фельдмаршале Минихе в Русско-турецкую войну 1735–1739 гг.

²⁷⁸ Mitchell I, 428.

²⁷⁹ Оправдания Фермора по поводу отсутствия военного совета перед баталией см.: Яковлев 1998, 89. Впрочем, тот же стиль командования, ревнивое соблюдение единоличных компетенций и недостаток передаточного звена среди генералитета сторонний наблюдатель отмечал и для предыдущей кампании применительно к С. Ф. Апраксину (Trützschler 1838, 137).

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 115 (1). Л. 18–19 (реляция Броуна от 05/16.03.1758); прошение Броуна (Грауденц, 05.03.1758) //

помимо него, как он сам замечал осенью 1758 г., «у меня нет среди генералитета ни одного сколько-нибудь годного подчиненного»²⁸¹. По словам недолголюбивавших его австрийцев, Фермор, «скрытый и замкнутый [...] Не известен ни один из генералов, к которому командующий испытывал бы особое доверие, кроме генерал-майора Дица [см. № 102–103] и Мордвинова [№ 60], полковника Ирмана, своего генерал-адъютанта капитана Борисова [см. № 62] и своего лейб-медика, немца. Все это, впрочем, люди не очень далекие (besitzen nicht viel Witz)»²⁸².

Паралич связи командования с генералитетом сказывается на баталии: кроме общей диспозиции, написанной до баталии²⁸³, ни одного приказа от Фермора до конца битвы больше не поступало. Если бы Лев Николаевич Толстой вознамерился вместо Бородина описать Цорндорф, то, наверное, порадовался бы, насколько происходившее вписывается в его философию истории. Ход битвы никак не зависел от главнокомандующего, атаки предпринимались самостоятельно генералами на местах или вообще происходили стихийно. Почти как и год назад, «диспозиции наперед никакой не было сделано, да и некогда было делать, а всем сам Бог управлял и распоряжал»²⁸⁴.

Однако последовавшее после маневра Фридриха превращение из преимуществ в недостатки русских позиций было, как стало ясно в ходе самого сражения, не последней метаморфозой. Ограниченность маневра для русских означала и невозможность маневра для пруссаков. Юркая армия Фридриха теряла один из главных своих козырей. Она физически не могла обойти русские позиции, как обошла, к примеру, австрийцев под Лейтеном в предыдущем, 1757 г. Пруссакам ничего не оставалось, как атаковать в лоб, и на следующем после артиллерийской дуэли этапе сражения уже они понесли тяжелые потери от русского огня. Как мы увидим при ближайшем рассмотрении, управляемость событий и с прусской стороны сильно преувеличена, а Фридрих оказывается почти такой же, как Фермор, фигурой в «колоссальных руках пуппенмейстера».

1 акт: Prussac idiot²⁸⁵. Синие начинают и проигрывают

«Настал, наконец, сей достопамятный день!»²⁸⁶ В три ночи Фридрих поднимается со своего кресла в комнатке на Нойдаммской мельнице (десятилетия спустя тогдашний мельник предпочтет не отдавать это кресло в музей, так как желает, чтобы «патриотическая реликвия» стала его смертным одром)²⁸⁷. «Доброе утро, господа! Поздравляю, баталия выиграна!» – обращается король, нахлобучивая шляпу, к своим спутникам (скорее всего, впрочем, и это из репертуара «легендарной» истории. Звучит слишком красиво, да и в аутентичных источниках не упомянуто). Затемно, полчетвертого утра 25 августа, пруссаки выступают тремя колоннами, сопровождаемые местными лесничими, которые показывают дорогу на узких лесных тропах, восполняя несовершенство карт²⁸⁸. От такой информации может зависеть исход баталии: незнание местности под Франкфуртом привело к ошибкам в диспозиции Фридриха и стало одной из причин разгрома пруссаков под Кунерсдорфом годом позже.

Броун 1862, 196. См. подробно: Кудзеевич 2015, 435–437.

²⁸¹ Де Фине – В. А. Кауницу, Мариенвердер 6/17.11.1758 // OeStA. NHStA Kriegsakten 373–2. Karton 3, Bl. 45.

²⁸² «Er ist sehr hinterhältig und verschwiegen» (Anmerkungen / «Замечания» полковника де Фине о состоянии РИА, ноябрь 1758 г. // OeStA. NHStA Kriegsakten 373–2. Karton 3, Bl. 35–35RS).

²⁸³ Генеральная диспозиция Фермора от 14.07.1758 (Масловский II, 188–194 второй пагинации); Костюрин 1879, 355; Яковлев 1998, 91.

²⁸⁴ Болотов I, 535 о Гросс-Егерсдорфе.

²⁸⁵ Так *Tage* 1804, 179 транскрибирует русское «Пруссаки идут!»

²⁸⁶ Прозоровский 2004, 50.

²⁸⁷ Bertuch 1828, 50.

²⁸⁸ См. об этом: Масловский II, 81 второй пагинации.

Еще в лесу колонны встречаются, конница перестраивается, к восьми часам утра при ярко сияющем солнце «синие» показываются вдали из-за разделявшего армии леса. «Чуть утро осветило пушки, пруссаки тут как тут», – меланхолично рифмует поручик Лермонтов (Иван из 5-го Мушкетерского, вскоре, увы, убитый). «Началось! Вот оно! Страшно и весело!» – говорит лицо прапорщика Толстого, тоже Ивана, из Новгородского пехотного на противоположном фланге. Этот отделается легким ранением. А Пушкин? Тоже есть, но не просто, а Мусин. Еще Бенкендорф, Раевские, Нащокин, Беллинсгаузен, барон Врангель и даже Ленин такой молодой (подпоручик, Александр). Все еще в одном фрунте, всё только начинается.

С восьми до девяти, нимало не препятствуемый русскими, неприятель разворачивается на Цорндорфском плато в ордер баталии и ставит батарею.

Слова «маскировка» в военном лексиконе еще нет и в помине. Солдаты Семилетней войны щеголяют в разноцветных мундирах. Армия Фридриха в традиционном синем – вернее, голубом, поскольку дешевая краска на униформе рядовых быстро выцветала²⁸⁹. Противостоящую им Российско-императорскую армию по идее следует обозначать как «зеленых». Однако на самом деле это скорее «красные», поскольку в жаркое время русские оставляют верхние кафтаны в полковом обозе и сплошь остаются в красных камзолах (№ 115, 116), благо ночи пока стоят «ясные и теплые»²⁹⁰.

Итак, «синие» против «красных», почти как на командно-штабных учениях или в игре «Зарница». Прусские егеря, правда, уже в неприметном зеленом. Но пройдет сто лет, прежде чем англичане начнут писать о гибельности своей, также красной, униформы и появится хаки. Тогда как французы будут щеголять в духоподъемных красных штанах аж до 1915 г.

Пока же утреннее солнце подсвечивает пруссакам, наступающим с юго-востока, идеальные мишени: плотные красные ряды русской пехоты со сверкающими штыками, среди которых стоят орудия на красных лафетах, с красными же зарядными ящиками. Спрятаться негде: действие разворачивается на жнивье, ибо, как и все остальные вокруг русского лагеря, Цорндорфское поле убрано русскими. Еще за день до баталии они обмолачивали зерно и пекли сухари (№ 3)²⁹¹. Барбчные дымки занимающихся там и сям в Цорндорфе пожаров обрамляют сцену. «Да тут ни одно ядро не пропадет!» – веселится рачительный Фридрих, окинув взглядом позиции неприятеля.

В десятом часу первый прусский канонир, прищурившись, прикладывает фитиль. Пока ядро летит, у нас есть время, чтобы сказать еще несколько слов об обстоятельствах разгорающейся баталии.

Черная шутка топонимики: название деревни Zorndorf, переделанное из славянского корня, стало звучать по-немецки как «деревня гнева». Очень возможно и поэтому баталия в прусских реляциях была привязана именно к Цорндорфу, ибо в данном случае *poen est omen*. По своей жестокости и эмоциональному накалу к этой битве меньше всего подходит распространенный для XVIII века термин кабинетной «войны в кружевах». Фридрих передает устно своим войскам утром перед баталией цветистым слогом: «Вам надлежит усердствовать о совершенном истреблении яиц, дабы из них не вылупился молодняк»²⁹². «Пруссаки пардону не дают», – кричат друг другу «синие» в разворачивающихся колоннах.

²⁸⁹ Господа офицеры отличаются от выцветших рядовых и густотой синевы индиго. Изобретенная в начале XVIII в. «прусская синь» только получает распространение, см. в общем: *Bleckwenn, Hans. Die friderizianischen Uniformen 1753–1786. Bd. 1–4. Osnabrück 1984. О материальной культуре прусской армии Семилетней войны: Füssel 2009 II.*

²⁹⁰ *Bertuch 1828, 46.*

²⁹¹ «Солдаты при помощи обывателей снятую с поля рожь молотили и хлебом запасались» (*ЖВД, 198*). Как выглядела «помощь обывателей» на практике, см. № 116.

²⁹² *Prittwitz 1989, 93.*

Русские об этом узнают и отвечают тем же²⁹³. Поскольку в их позиции все пути к массовому отступлению отрезаны, они дерутся с мужеством отчаяния. Так, во всяком случае, звучит самый ходовой аргумент с прусской стороны для объяснения упорства неприятеля. С ним стóит быть осторожным: вряд ли рядовая масса армии представляет в деталях свое положение²⁹⁴. Несомненно другое: обе армии находятся в состоянии аффекта. Российская армия проводит несколько тревожных дней в ожидании, ночью стоит во фронте под ружьем, конница не расседывала лошадей (№ 78). За спиной «синих», пришедших с Фридрихом, многодневный марш всего с несколькими часами отдыха. Но и батальоны из корпуса Дона, которые действовали против русских до прибытия короля, вопреки его иронии про «чистеньких», тоже измотаны: «В продолжение четырех недель [до баталии] нам не разрешалось снимать ни камзола, ни башмаков, ни чулок»; «От слабости многие с лошадей на марше падали»²⁹⁵.

Пруссаки вне себя от сожжения Кюстрина. Анонимный офицер из корпуса Дона рисует что-то вроде репетиции московского 1812 года, причем приличные дамы босиком в крестьянских телегах, похоже, особенно воздействуют на его воображение:

Перед нашими глазами горящий Кюстрин, по пути бесчисленное множество несчастных, лишившихся имущества, в слезах. Дамы из общества в неглиже, частью босиком, у многих осталось лишь то, что было на них [...] Много крестьянских телег с дамами в мантильях, ночных чепцах, другие с куафюрами, все в отчаянии и горести. Деревни, дворы, риги и сараи заполнены беженцами. Родители, в страхе ищущие детей, и дети – родителей²⁹⁶.

Поэт Эвальд фон Клейст жаждет крови: «Скоро, совсем скоро наступит жатва смерти. Русские созрели. Они превратили Кюстрин в груды камней. От участвовавших в этом деле войск не должно и костей остаться»²⁹⁷. Настрой дополняют сообщения, да и личные впечатления об «эксцессах» русских иррегулярных частей, вкупе с голодом и жаждой.

Стоят многодневные «жары» – как и во все эти военные лета, которыми отмечена жаркая и засушливая середина XVIII в.²⁹⁸ В глаза бьет немилосердное августовское солнце, летит дым от пороха и подожженных деревень; там и тут взрываются зарядные ящики. Дело происходит на землях «песочницы Европы», как называют эти прусские земли. Стгуцающая пыль из-под копыт лошадей заставляет всадников «проскакав с пятьдесят шагов, останавливаться и осматриваться, где ты находишься»²⁹⁹. Вообще дым и пыль объясняют многие непредсказуемые движения и поступки этого дня. В доброй половине рапортов и пруссаков, и русских находятся пассажи вроде «в превеликой пыли... много езда найти не смог»³⁰⁰ или «...мы огля-

²⁹³ Tielke 1776, 153.

²⁹⁴ Аналогично – и, вероятно, вслед за пруссаками – А. Т. Болотов пишет про Гросс-Егерсдорф (1757): «Самая храбрость наших воинов была уже принужденной, и они поневоле принуждены были драться до последней капли крови, когда им не бежать, не ретироваться было некуда» (Болотов I, 541). Другой ходовой аргумент – что ведение войны вообще и манера русских драться до конца в частности являются, как и построение в каре, наследием русско-турецких войн, где «просить пARDону» было бесполезно. См. ниже также фантастический аргумент в истории Семилетней войны Рецова о «православных шахидах».

²⁹⁵ Hoppe 1793, 180; ЖВД, 239, см. № 113.

²⁹⁶ Аноним, лагерь при Блейене 19.08.1758 // ОeStA. KA. FA. AFA. HR. Akten 664. 8. Bl. 1.

²⁹⁷ Э. фон Клейст – И. В. Л. Глейму, лагерь у Диппольдсвальде 19.08.1758 // Ewald Christian von Kleist's sämtliche Werke. T. 1. V. 1803, 124.

²⁹⁸ См.: Смиланская 1998, 167–168. Начало кампании зимой 1758 г. отмечено «неимением снега» (Коробков 1948, 230). Летом 1758 г., как и в предыдущем году, в Москве проходят крестные ходы о прекращении засухи (Скворцов 1914, II, 642).

²⁹⁹ Из письма родным Леопольда Иоганна фон Платена, шефа драгунского полка Юнг-Платен, от 30.08.1758 (Generalstab 1910, 122).

³⁰⁰ Бранденбург 1898, 298 (рапорт артиллерии штык-юнкера Ивана Колпакова, потерявшего своего командира).

делись, и после того как пыль улеглась, не обнаружили другую половину нашего корпуса»³⁰¹. Насколько ветер с пылью и дымом досаждал участникам баталии, видно из того, в чем потом обвиняют главнокомандующего Фермора: «Лютеран, генерал командующей, армию поставил под ветер и всю погубил»³⁰². На самом деле и с другой, прусской, стороны положение не особо лучше: «Неприятель зделал такой дым и жар, что часто и руки пред собою видеть нельзя было» (№ 111).

Начинается двухчасовая артиллерийская дуэль. Петр Панин пишет «1 час и 55 минут» (№ 4), и это в высшей степени характерно. Часы – вообще отдельная и большая тема. Все в эту эпоху подчинено принципу регулярства. Обладание часами, как и умение фиксировать пространство на планах и картах, – органичная привилегия подданных регулярного государства, механизм которого подобен часовому. И даже больше – мира, «заведенного» Великим Часовщиком³⁰³. Наличие часов – это и признак, и фактор того, что время из церковного становится «государственным» и личным³⁰⁴.

«Тайминг» наряду с измерением пространства определяет автобиографику этого периода, и особенно это характерно для военных «журналов». Время – критерий социального положения. Для простых жизней «ненужная дробность»³⁰⁵, которая фиксируется много что по годам. Тогда как дни, часы и уж тем более минуты – маркер светского (на монастырских часах, как в Спасо-Евфимиевом монастыре в Суздале, нет минутных стрелок) и привилегированного социального положения. «Надобно помнить, в чем есть нужда и не упускать ни минуты», – наставляет управляющего командующий артиллерией К. Б. Бороздин (№ 33). Хронометраж – символ статуса³⁰⁶, объект вожеления купчиков вроде Ивана Кулибина, который пока чинит чужие механические часы в Москве, и дьячков вроде Герасима Скопина, мастеращего себе самодельные солнечные³⁰⁷.

Часы – приоритетный объект реквизиции у пленных: по негласному закону войны они отдаются в первую очередь вместе с кошельком и офицерским шарфом (№ 81)³⁰⁸. Так что офицер – человек с часами не в меньшей степени, чем человек с ружьем. Здесь и сейчас, под огнем прусских батарей, время сжимается, и за пять минут в этом аду многое может произойти. Офицеры то и дело справляются по своим «томпаковым, насеребренным в Кениксберхе» (№ 81), сколько это уже продолжается и скоро ли конец. Но канонада продолжается.

На артиллерию возлагают особые надежды с обеих сторон. Главный стратег и создатель Обсервационного корпуса П. И. Шувалов вообще считает инфантерию только прикрытием для

³⁰¹ *Kalkreuth* 1839, 31 четвертой пагинации.

³⁰² *Яковлев* 1998, 81. Фермор пишет о «великом дыму по причине бывшего на нас ветра» (Реляция 15.08.1758 // *Коробков* 1948, 334). Про «несносные жары» этого лета, сопровождаемые такой пылью, «что ни неба, ни земли видеть не лзя было», единодушно сообщают русские и прусские источники (*ЖВД*, 239; *Füssel* 2009 I, 321). Русский двор, вопреки обыкновению, остается еще на весь сентябрь в Петергофе.

³⁰³ Ср. известный совет Лейбница Петру I об учреждении коллегий: («Как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине...» и т. п. И тогда «стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы» (*Герье В.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб. 1871, 197).

³⁰⁴ См.: *Живов В. М.* Время и его собственник в России раннего Нового времени (XVII–XVIII века) // *Idem* (ред.). Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени. М. 2009, 27–101.

³⁰⁵ *Латин В. В.* Петербург. Запахи и звуки. СПб. 2009, 110.

³⁰⁶ 12-летний Павел Демидов просит отца прислать главный «гаджет» эпохи, так как «я уже часто спрашеван от многих был: для чего я часов у себя не имею» (*Демидовы* 2006, 65). Брат молодой кн. Е. Р. Дашковой Александр Романович Воронцов обещает по ее просьбе заказать часы в Лондоне (А. Р. Воронцов – Е. Р. Дашковой, Лондон 6/17.08.1762 // *АКВ V*, 159); на масленичный карнавал в Петербурге в 1761 г. в лотерею разыгрываются золотые часы (*АКВ IV*, 462) и т. п.

³⁰⁷ *Кулибин И. П.* Мое жизнеописание [1769] // *РС* 1873, XI, 734–737; [*Скопин Г. А.*] Дневная записка пешеходца – саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и селам [1787] // Саратовский исторический сборник. Т. 1. Саратов, 1891, 41–74.

³⁰⁸ «Nach Kriegsmanier die Schärpe, Börse und Uhr an seinen Überwinder abgeben» («По обычаю войны отдать победителю своему шарф, кошелек и часы» (*Briefe preußischer Soldaten* 1901, 14).

своих чудо-орудий³⁰⁹. Но и в Пруссии артиллеристы выросли во мнении Фридриха II. Ввиду неизбежных потерь при фронтальной атаке русских он стремится минимизировать их артподготовкой, ибо «ничто не устоит против канонады»³¹⁰. Артиллерия должна восполнить ухудшающиеся боевые качества прусской пехоты, сильно поредевшей за два года войны и разбавленной сомнительным контингентом пленных и новонабранных.

Эта дуэль проиграна русскими подчистую. При расстановке артиллерии, которой в том числе занимался лично Фермор³¹¹, допущены фатальные просчеты. Большая часть орудий была размещена первоначально на левом фланге в рядах ОК, поскольку отсюда до обходного маневра Фридриха ожидался основной удар³¹². Пруссаки же распределили свои тяжелые орудия (подвезя их дополнительно из Берлина и Кюстрина) по всему фронту³¹³. Артиллерией у «синих» командует полковник Карл Фридрих фон Моллер, прусский Бонапарт эпохи Тулона. Во многом именно его удачной расстановке орудий Фриц обязан своими победами при Лобознице и Росбахе, его «гению» он доверяет так же, как коннице Зейдлица. Но заслуга Моллера не только в удачной расстановке. Прусская артиллерия несравненно более мобильна: их батареи при необходимости перемещаются по полю взад и вперед между фронтами противоборствующих сторон и от фланга к флангу в зависимости от складывающейся ситуации, даже рискуя при этом подвергнуться атаке неприятеля³¹⁴.

Тогда как у русских, из-за недостатка лошадей и плохого состояния имевшихся, почти половина орудий Обсервационного корпуса была вообще оставлена на марше, а количество зарядов ограничено ста выстрелами на ствол³¹⁵. Орудия «красных» оживают со значительным опозданием, вызванным перетаскиванием их с места на место при перемене фронта³¹⁶. Из-за этого же пушки, стоя на ровном поле, оказываются совершенно беззащитными перед «кавалерийской фурией» и «наглой атакой инфантерии»³¹⁷. В ходе битвы, при перебитой прислуге и лошадях российская артиллерия быстро оказывается обездвиженной. «Отвозные» команды, назначенные для перевозки орудий, и солдаты прикрытия их бросают³¹⁸.

Первоначально разница в дальности артиллерии была в пользу русских: из своих единорогов они могли обстрелять пруссаков, когда их линии только начали сближаться с нашими. Тогда как прусские ядра не долетали до «красных» (один из командующих артиллерией, Корнилий Бороздин (№ 32–36), сообщал, как ядра падали перед его лошадью). Заметив это, «синие» стали прибавлять в заряды пороха, переменили «авантажные места» – и дело пошло³¹⁹.

³⁰⁹ «Корпус должен биться и победу свою достать действием артиллерии, а полки в такой позиции построены были, чтобы единственно для прикрытия артиллерии служили» (*Масловский II*, 111 второй пагинации).

³¹⁰ *Catt* 1884, 356. Фридрих инструктировал, например, гр. Дона: «Поскольку артиллерия стала ужасно модной, на том крыле, где вы атакуете, следует организовать батареи из тяжелых орудий и гаубиц» (Фридрих II – гр. Дона, Грюссау 02.04.1758 // *PC XVI*, № 9887).

³¹¹ *Муравьев* 1994, 45.

³¹² Рапорт инженер-полковника И. Ф. Эттингера (*Бранденбург* 1898, 297), занимавшегося земляными работами.

³¹³ Армии располагали примерно равным количеством орудий: (175–180 с российской стороны против 193 с прусской), однако в последнем случае 117 – крупных калибров (*Бранденбург* 1898, 281–282, 296; *Generalstab* 1910, 461, 464; *Dohna* 1783, 26).

³¹⁴ *Bericht* 1758, 420–421.

³¹⁵ Записка В. В. Фермора с ответами на опросные пункты Конференции, 25.02.1759 // *Яковлев* 1998, 87; *Масловский II*, 169.

³¹⁶ *Mitchell II*, 45: «They (the Russians. – D. S.) had a prodigious quantity of artillery, though it began to fire much later, than the Prussian».

³¹⁷ Из мнения К. Б. Бороздина об итогах Цорндорфа (*Бранденбург* 1898, 308) – после чего он рекомендует впредь каждому расчету иметь лопаты и окапывать орудие.

³¹⁸ «По причине <...> разбежавшихся, данных из полков для повозки, солдат <...> и свести оную (артиллерию. – Д. С.) было некому» (*Масловский II*, 217 второй пагинации). См. также: *Бранденбург* 1898, 307.

³¹⁹ *Бранденбург* 1898, 294–295.

Едва заметное глазу возвышение местности в несколько метров около Цорндорфа, которое русские собирались, но не успели занять, дало прусской артиллерии дополнительные выгоды. Сообщение о прусском ядре, поразившем «в одном гренадерском полку 42 человека», остается на совести Тильке. Но и другие очевидцы пишут, как пруссаки вырывали «картечными выстрелами по целому плутонгу»³²⁰. А в одном из наших писем одно и то же ядро сносит голову раненому гренадеру и убивает обоих его сопровождающих (№ 28). На первом этапе баталии пруссаки смогли нанести существенно больший урон российским войскам, оставаясь почти вне поля видимости последних: «Кроме неприятельских шляп едва видеть что было можно»³²¹. По словам самих пруссаков, «их щастие при баталии было, что российская артиллерия болшею частию переносила или недоносила»³²².

Именно драматическое начало баталии, как мы увидим, произвело и наибольшее впечатление на авторов писем: «Был дожжик ис 90 пушек 12 и 18 фунтовых» (№ 44); «Когда был страх, то пушечные ево ядры. Очень от них у нас урон был велик» (№ 78).

Наконец «ровно в 11 часов» к канонаде присоединяется пальба «из мелкого ружья»³²³. Русские слышат из-за дыма сначала бой барабанов, потом полковых гобоистов, играющих хорал «*Ich bin ja Herr in Deiner Macht*»³²⁴. Это прусский авангард под командованием генерал-лейтенанта Генриха фон Мантейфеля атакует правое крыло русских, где по прихоти судьбы командует бригадой другой, «наш» Иван Мантейфель³²⁵. Первоначальная цель Фридриха, сосредоточившего на этом фланге основную мощь для атаки в три линии³²⁶: разбив на этом фланге русских, загнать всю их армию в близлежащие болота.

До сих пор Фридрих вполне чувствовал себя в роли драматурга, определяющего декорации и игру в пьесе. Однако уже здесь начинаются случайности, которых «Федор Федорович» опасался накануне. Обходя зажженный казаками Цорндорф, часть пруссаков отстает и не может выполнить диспозицию короля. Их гренадеры авангарда и первая линия пехоты перемешиваются друг с другом и, расстреляв патроны, остаются без поддержки. Из-за плохой видимости и попавшейся по пути рощицы наступающее крыло пруссаков расходится под углом друг к другу и размыкает фронт. В результате атакующие силы пруссаков вместо сжатого кулака распылены. Образуется брешь, чем не могут воспользоваться русские.

Расстреляв запас патронов, до того, по словам хроникеров, безмолвные³²⁷ (а в реальности, надо думать, сквозь зубы матерящие «лютерана») полки первой линии «красных» «с криком *Ara (Victoria)*»³²⁸ идут в штыки. То ли по приказу П. И. Панина, то ли сами

³²⁰ Tielke 1776, 98; Прозоровский 2004, 50.

³²¹ Костюрин 1759, 355; Прицц Карл, 119; Hartmann 1985, 178.

³²² РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 114. Ч. 3 (5). Л. 276–276 об. (Скасса явившегося из полону жида Йозефа Гирша, 19/30.09.1758). Гирш был пленен в день баталии вместе с кн. Антонием Сулковским (№ 109–111).

³²³ Neudammer Magistrat 1926, 196.

³²⁴ Teze, 1123. Под полковыми «гобоистами» в прусской армии подразумевались, кроме собственно гобоев, трубачи и фаготы (Möbius 2008, 262).

³²⁵ Иван Мантейфель-Цеге, см. о нем № 102.

³²⁶ Tempelhof 1785, 232–233. Инструкция Фридриха II перед битвой опубликована в: *Donnersmarck* 1858 II, 78–80 («Атакует одно крыло, другое остается полностью незадействованным»).

³²⁷ См., например: Teze 1864, 1123 («русские стояли неподвижно и тихо»). Тишина во фрунте – беспрекословное требование устава как один из атрибутов регулярности («что бы салдаты [...] не только не говорили, но и никакого шуму не делали», *Описание пехотного полкового строю* 1755, 51).

³²⁸ Tielke 1776, 99; № 4. Насколько могу судить, свидетельство Тильке (пусть и изданное в 1776 г.) – одно из первых об употреблении этого боевого клича именно в сухопутной армии. На флоте «ура» фиксируется еще в начале XVIII в. (Сенявин Н. А. Морские журналы Наума Акимовича Сенявина, 1705–12 годов // Записки Гидрографического департамента Морского министерства. СПб. 1852. Ч. 10, 338 et passim). Русские уставы знают только «гузе» для моряков (в Семилетнюю войну см.: Коробков 1948, 137). Поясняющие скобки Тильке также подразумевают, что саксонец с этим обычаем незнаком, хотя никто еще не считает его чисто русским. Английские, а позднее и немецкие источники второй половины XVIII – первой половины XIX в. фиксируют употребление *Hurrah!* во множестве.

собой³²⁹. Поскольку атака закончилась разгромом, поражение и в этом случае останется сиротой – в отличие от аналогичного случая годом ранее при Гросс-Егерсдорфе. Когда неожиданный прорыв резервов через лес решил там исход битвы, «отцом» победы назначают постфактум без каких бы то ни было документальных доказательств Петра Александровича Румянцева. Общий ход и этого, и Цорндорфского сражения ясно говорит о другом: в критические моменты, особенно при атаке, армия пока далека от «регулярства» и подвержена стихийным порывам. Перелом тут наступит только со следующего 1759 г.

Пока же натиск «красных» легко обращает пруссаков в бегство; драгуны бригадира Гаугревена поддерживают порыв. Около полдвенадцатого неприятель «в конфузию пришел»: захвачены несколько прусских передовых батарей, попадает в плен флигель-адъютант Фридриха II граф Шверин, командующий этим крылом генерал-лейтенант фон Каниц ранен, потери пруссаков достигают половины состава³³⁰.

Интермеццо. Зейдлиц с трубкой, король со знаменем, и все в дыму

В результате этой атаки разомкнут, однако, и русский фронт. На увлекшихся и потерявших строй русских из-за лошины обрушивается самая страшная в прусской армии сила, тяжелая кавалерия под командованием Фридриха Вильгельма фон Зейдлица. В этом месте в прусском повествовании наступал апогей патриотического пафоса. Голос гимназического учителя достигал звенящей ноты, когда он рассказывал, как король несколько раз посылал адъютантов к Зейдлицу с приказом об атаке, напоследок пригрозив, что тот ответит головой. Бледный стоял тот, но гордый: «Скажите королю, после битвы моя голова в его власти, а пока я волен ей распоряжаться, как считаю нужным на королевской службе»³³¹. «Seydlitz wartet und Seydlitz wacht, / An strahlt ihn der Ruhm, er steigt zu Pferde, / Hundert Schwadronen, es donnert die Erde...»³³². «Пронеслось шорохом: – Зейдлиц кинул трубку!.. – Он кинул трубку!.. В суровом, грозном и величественном молчании полки понеслись на русскую пехоту»³³³.

Оставим в стороне вопрос, какую такую трубку – бросая ее, Зейдлиц якобы давал сигнал к атаке – можно было разглядеть в цорндорфской пыли и дыму. Вообще подозрительно, если в баталии, в которой «как в никакой другой было наделано столько ошибок»³³⁴, где все для обеих сторон шло *не так*, вдруг попадаетея перфектно сыгранный акт.

Наведем лорнет: в отличие от бесспорной роли кавалерии для исхода битвы в целом, нарисованная стройная композиция никем из непосредственных свидетелей не подтверждается. Дотошные прусские военные историки, сверяясь с местностью, сомневались в драматической сцене уже потому, что скорость развития событий никак не согласуется с расстояниями на поле боя и расстановкой фигур на нем. Предполагая, что Зейдлиц атаковал без всякого на то приказа короля – тоже то есть без особого «регулярства», спонтанно, как и русские³³⁵. Сам Зейдлиц, неумеренный не только в обуздании лошадей, умер вскоре после войны от сифилиса и воспоминаний не оставил. Известны лишь мемуары главного адъютанта кирасиров лейб-гвардии, Фридриха Адольфа гр. фон Калькройта. Поздние, местами путанные и дошедшие

³²⁹ Муравьев 1994, 44 и Прозоровский 2004, 50–51 противоречат друг другу, сам Панин (№ 4) настаивает на стихийном варианте.

³³⁰ *Generalstab* 1910, 167.

³³¹ См.: *Seydlitz* 1834, 78–83. Одна брошюра так и названа: «Битва Зейдлица при Цорндорфе» (*Schneidawind F. J. A. Die Seydlitz=Schlacht bei Zorndorf. Neuhaldensleben* 1843).

³³² «Зейдлиц медлит, Зейдлиц выжидает / Озаренный лучом славы, садится в седло / Под сотней эскадронов гудит земля...» (Из баллады Теодора Фонтане «Зейдлиц и бургомистр Олау», 1888–1889).

³³³ Последнее из романа «Цесаревна» (1932) Петра Николаевича Краснова, через 15 лет повешенного в Лефортовской тюрьме за сотрудничество с немцами.

³³⁴ *Retzow* 1804, 325.

³³⁵ *Wengen* 1894, 172.

только в переводе – оригинал был издан на французском для семейного пользования и мне недоступен – они все же явно аутентичны в деталях. И дело рисуется в них несколько иначе.

Утро Цорндорфа якобы началось для Зейдлица с неудачной атаки на русскую пехоту. Собрав командующих своими тремя кирасирскими полками, он объявил им, что баталия проиграна, он не может приказать атаковать, но ждет общего решения. Полковники высказались за атаку. Поскакали. По пути нам попадаются: человек 20 русских кирасиров, «которых, естественно, изрубили» (*zusammengehauen*, – восторженно брызгает старческое перо). Затем прусский пехотный полк, удалявшийся на шаг с поля баталии «с перевернутым дулом вниз ружьем, по тогдашнему обыкновению при смене караула». Затем «большая канава» (Цаберн-грунд). Кто-то перескочил ее, кто-то стал огибать по окольной тропе. Получается то же, что и с предыдущей атакой прусской пехоты. Из-за «чрезвычайно сильной пыли» кавалерия теряет друг друга из виду: часть с Зейдлицем во главе действительно атаковала русских, тогда как другая очутилась уже около часу дня совсем в другом месте, на противоположном фланге и оставалась затем не у дел³³⁶.

Но пусть и так, частью, не столь стройно, все же несомненно, что конница Зейдлица сминает «тонкую красную линию». Тогда, в свою очередь, наш «правой фланг пошел на ретираду»³³⁷. Хаос, похоже, усиливается тем, что вторая русская линия за дымом и пылью не разбирает бегущих на них обратно из-под сабель Зейдлица и дает по ним залп³³⁸.

Поскольку на правом фланге в рядах главной армии находится высшее командование в лице Фермора, штабы и пришлые волонтеры, они также захвачены бегством. Некоторым, как австрийцам с Сент-Андре и принцу Карлу Саксонскому, секретарю Фермора Никифору Шишкину, злополучному квартирмейстеру Андрею Ирману³³⁹ удалось переправиться через преграждавший дорогу Митцель.

Еще в разгар дня (25 августа. – Д. С.) между деревнями Квартшен и Дермитцель к ручью подошел сильный эскадрон красных гусар, которые очевидно прикрывали бегство некоего высокопоставленного лица, и до баталии сопровождаемого красными гусарами. Все они направились через ручей, однако на его болотистых берегах по обеим сторонам много лошадей застряло³⁴⁰.

Уже в сумерках, после стихшей канонады, жители одной из деревень округи видят, вероятно, ту же кавалькаду всадников, прихвативших местного проводника, чтобы тот показал им дорогу на север к Румянцеву³⁴¹. Принц Карл со свитой и примкнувшими бегут в Зольдин. Далее кто-то, как Шишкин с Ирманом, подался к Румянцеву, кто-то, как наш претендент на курляндский престол, боясь прусских отрядов, бежит аж в Дризенскую крепость с ее сильным русским гарнизоном – почти в 100 километрах на восток от Цорндорфа! Откуда в свите принца соби-

³³⁶ *Kalkreuth* 1838, 30–33 четвертой пагинации.

³³⁷ *Яковлев* 1998, 82.

³³⁸ См. № 112, хотя Армфельт явно сгущает краски. Если сам этот факт имел место, маловероятно, чтобы жертвы «дружественного огня» могли превышать потери из-за огня пруссаков. Приведу, тем не менее, свидетельство того же Калькройта: неделю спустя обходя поле баталии, тот отмечал, что большинство русских якобы погибли от ружейного огня. Уже после войны принц Карл Саксонский уверял Калькройта, что из-за перестроения русского ордера баталии на 180 градусов в какой-то момент «с криком „Да здравствует Государыня!“» некий командир батальона приказал-де дать залп по своей первой линии (*Kalkreuth* 1838, 38). Цену свидетельствам принца Карла, однако, мы уже знаем. В то же время в высочайшем указе после баталии негодуют на «стрелявших без разбору», в том числе по своим, бегущих солдат (*Коробков* 1948, 343).

³³⁹ *Румянцев* 1953, 183, см.: № 65–66.

³⁴⁰ *Nachrichten* 1759, 795. Судя по красным доломанам, речь идет об эскадроне Венгерского гусарского полка – который остальным составом был в дивизии Румянцева (*Масловский* II, 212 второй пагинации). Этот эпизод упоминается в австрийской реляции о Цорндорфской баталии волонтера, бежавшего вместе с принцем (*Hartmann* 1985, 179). Сам принц Карл сообщает в реляции о своих 13 заводных лошадях, которые завязли в болоте (N 1287, Bl. 145RS).

³⁴¹ *Bertuch* 1828, 52.

раются уже было сообщить миру «печальнейшее и ужаснейшее известие об армии, от которой столь много ждали», но вовремя узнают, что слухи о гибели РИА преувеличены. К армии принц вернулся лишь через четыре дня после баталии³⁴².

Другие выжидают, возвращаются обратно, не имея карты, многие блуждают по окрестностям или попадают по пути в плен к «прусским мужикам». Офицеры оказываются между двух огней: оставшись на этом берегу Митцеля, они – особенно остзейцы – рискуют попасть под горячую руку собственным солдатам. Как, к примеру, ротмистр Кирасирского полка Франц Брукендаль, порубленный «в пьяном образе» кирасиром Козьмой Сергеевым³⁴³. Покидая же поле битвы, велика вероятность попасть под «дубину прусской народной войны»³⁴⁴. Отсюда характерная особенность реляций о потерях при Цорндорфе, выдающая масштабы «смятения»: большое количество среди обер-офицеров, особенно младшего звена, «безвестно пропавших». Помимо того, что «пропалые» числятся вместе с убитыми, отдельно ведомость упоминает еще и безвестно пропавших по репортам от полков – 33 младших офицера от поручиков до прапорщиков, корнетов и штык-юнкеров!³⁴⁵ Ни в одной битве Семилетней войны такого и близко нет.

Есть сведения о том, что бегущих с поля встречали около ручья Митцель «заградотряды»:

Les genereaux russes indignés contre les fuyards firent border le marais par notre propre infanterie pour les obliger de se former et retourner a la charge, ils ont si bien obei que pendant toute la nuit le petit feu a continué avec vehemence <...> Samedi matin tous les fuyardts (*sic!*) de la gauche s'étant formes la nuit, recommencerent la bataille a six heures du matin, et repousserent l'ennemi avec un courage heroique...³⁴⁶

³⁴² Согласно той же реляции принца Карла в Варшаву (N 1287, Bl. 145RS–146RS). См. краткую реляцию о баталии гр. Сент-Андре из Дризена от 27.08.1758: OeStA. NHStA Kriegsakten 371. A. Bl. 304. Цитата из письма наставника принца Карла ген. – майора Лашиналя от 27.08.1758 из Дризена (OeStA. NHStA Kriegsakten 370. A. Bl. 33).

³⁴³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 1665. Ч. I (2). Л. 108.

³⁴⁴ «Генералитет и штап- и обер-офицеры побежали через лес, болото и чрез реку, где многие на той стороне реки [Митцеля], также и пльвущих по реке, били мужики» (Яковлев 1998, 84). См. также: *Nachrichten* 1759, 794–795 и Румянцев 1953, 183: «[Прусское] крестьянство [...] где только и чем бы можно, людей наших истреблять стараютца».

³⁴⁵ ЖВД, 235–237.

³⁴⁶ N 1287, Bl. 145RS-146 («Русские генералы, негодуя на беглецов, выставили против болота (ручья Митцель. – Д. С.) нашу собственную пехоту, чтобы заставить их построиться и вернуться к своей должности, и они (беглецы. – Д. С.) повиновались настолько, что в продолжение всей ночи продолжилась ожесточенная перестрелка из мелкого ружья [...] В субботу утром (15/26-го августа. – Д. С.) все беглецы левого крыла, построившись ночью, в шесть утра продолжили сражение и с героической храбростью прогнали неприятеля» – *франц.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.